

Александр ВАРГО

В МОЕЙ СМЕРТИ ПРОШУ ВИНИТЬ...

...Не давай имя нерожденным...

ЭКСМО

MYST. Черная книга 18+

Александр Варго

**В моей смерти прошу
винить... (сборник)**

«ЭКСМО»

2013

Варго А.

В моей смерти прошу винить... (сборник) / А. Варго — «Эксмо»,
2013 — (MYST. Черная книга 18+)

ISBN 978-5-699-64356-1

Офисный работник Максим устанавливает у себя дома спутниковую антенну, после чего его телевизор начинает принимать новый канал «Террор ТВ». По этому каналу в режиме реального времени показывают, как террористы расправляются с заложниками. Максим с ужасом узнает в заложниках... своих коллег по работе. Очень скоро Максим сам становится участником этого кровавого телевизионного шоу...

ISBN 978-5-699-64356-1

© Варго А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Ванечка	5
В моей смерти прошу винить...	18
Нити выются	27
Подарок	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Александр Варго

В моей смерти прошу винить...

Ванечка

Аня подошла к зеркалу и задрала халат, обнажив круглый живот. С абортom припозднилась, а искусственные роды просто убили бы ребенка. Аня не хотела становиться убийцей, но и матерью в семнадцать тоже, да еще без мужа... Было решено рожать и оставить его в роддоме. Немного осталось. Девушка погладила себя по животу, ребенок отозвался, зашевелился. Еще два месяца.

Когда раздался телефонный звонок, Аня вздрогнула, быстро прикрыла живот и забегала по комнате, будто мужчина застал ее обнаженной. Потом все-таки сообразила, что это всего лишь телефон, подошла и сняла трубку.

– Алло, – чуть слышно проговорила девушка.

– Привет, сеструха!

– Привет, – все так же невнятно пробормотала Аня, но когда поняла, кто с ней говорит, на всякий случай спросила: – Борька?

– А что, у тебя появился еще один брат?

– Братишка! Как ты? Как?..

– Подожди ты, болтушка, – остановил ее Борис. – Вот приеду и все тебе расскажу.

– Приедешь? – В животе кольнуло.

– Ну да. Встречай в субботу.

– Это же через три дня!

– Что-то я не пойму, ты рада или нет?

– Конечно, рада. – Ребенок, будто наказывая за ложь, больно ударил под ребра.

Положив трубку, Аня едва не потеряла сознание.

Надо что-то делать. С приездом брата срок до родов уменьшился с двух месяцев до двух дней. И теперь плевать ей, что искусственные роды станут убийством. В сложившейся ситуации если Аня не убьет нежеланного ребенка, то брат убьет ее. Она снова сняла трубку и набрала номер гинеколога. Какого, к чертям, гинеколога? Коровье работал дворником на Ферганской улице. Люди, знавшие его, говорили, что он был шаманом, там, на Малой земле. Аню это пугало, но выбора у нее не было. Борис не оставил ей его. До звонка брата расчет был другим. Дождаться срока и лечь в платную клинику. Сейчас же мало кто захочет стать соучастником убийства, даже за деньги. Коровье был ее надеждой.

– Аллю.

Размышления Ани прервал грубый голос с акцентом.

– Коровье?

– Кто эта?

– Это Анна Миронова. Мы приходили к вам с подружкой. Вы делали ей аборт.

– Тиха, тиха. Записывай адрес.

В девять вечера Аня стояла у дверей подъезда дома номер 14 по Ферганскому проезду. Она набрала код и вошла в грязное нутро дома. В лифте едва сдержала позывы рвоты. Кабина пропахла мочой. Лужа в углу наверняка не успевала высыхать. У дверей квартиры Аню ждала женщина в платке.

Она кивнула и пропустила Аню внутрь. Сотни запахов ударили нос. Пахло шашлыком, выпечкой и женой травой. Навстречу ей вышла девушка ее возраста с еще дымящимся ков-

шиком. Аня снова зажала нос; комок рвоты подступил к горлу. Люди сновали туда-сюда. Двухкомнатная квартира была похожа на общежитие.

– Вам сюда, – женщина в платке указала на грязную дверь справа и куда-то ушла.

Аня помедлила, постучала и, не дождавшись приглашения, вошла. Мужчина в свитере с надписью «Boys» на груди встал из-за стола.

– Здравствуйте, – сказала девушка.

– Еттык. Мин'кэмил гыт варкын?

– Что? – не поняла Аня.

– Я спрашиваю, как у тебе здоровья?

– Все хорошо, но... Видите ли...

– Вижу-вижу, ты беременен.

– Да. Семь месяцев.

– Не пазнавата аборт?

– Видите ли, через два дня приезжает мой брат.

– Это, конечно, меняет твой дел. Но надо было по телефона сказать свой срок. Я родами не заниматься.

– Но как же быть? – На глазах девушки выступили слезы.

– Сейчас.

Мужчина достал сотовый телефон, набрал номер и после небольшой паузы заговорил:

– Еттык, Вера Павловна. Извини, что так поздно. Дел к вам имею. Девочка, семь месяцев... Нада, очен нада. Записывай адрес, – обратился Коравье к Ане и начал диктовать. – Ну все, девочка, завтра в семь вечера Вера Павловна ждет тебя вот по этому адресу.

– Спасибо. – Аня улыбнулась.

– Я надеюсь, у него нет имени. Атау!

Анна ничего не поняла из сказанного, но переспрашивать не стала. Она просто вышла из комнаты.

Вера Павловна Быкова оказалась очень грубой женщиной. На вид ей было лет сорок пять, но Аня поняла, что она скрывает свой настоящий возраст. И это у нее получается.

– Раздевайся! – приказала Быкова, как только Аня переступила порог.

Ни тебе «здрасте», ни «как ваше здоровье». Девушка замешкалась и медленно начала расстегивать куртку.

– Шевелись! Когда с мужиками кувыркалась, поди, порасторопней была!

Ане стало обидно; слезы наполнили глаза. Ей вдруг захотелось убежать. Но приезд брата заставил ее трезво оценить ситуацию. Она вытерла слезы и быстро разделась.

– Почему не выбрита?! Черт знает что! Развели здесь... – Женщина не договорила. Вышла из кабинета, хлопнув дверью.

Несмотря на то что Аня осталась абсолютно одна, девушка схватила одежду и прикрылась. Долго ждать не пришлось. Быкова заорала на кого-то в коридоре. Аня напряглась, а когда дверь открылась и крик Веры Павловны ворвался в кабинет, попыталась вжаться в кушетку, на которой сидела.

– Тамара, – обратилась Быкова к полной женщине, вошедшей за ней, – подготовь роже-ницу. – Глянула из-под нарисованных бровей на Аню и вышла в коридор.

– Ну, давай, девочка...

– А можно я сама? – Аня схватила одежду и прижала к себе.

– Вчера было можно. Сейчас, боюсь, нет времени.

Тамара взяла ее под руку и подвела к гинекологическому креслу. Аня залезла, но вещи так и продолжала прижимать к промежности.

– Милая, я же говорю, у нас нет времени. Ты думаешь, я не видела, что у тебя там? – Женщина улыбнулась.

«Ну почему она не гинеколог?» – подумала Анна, бросила на пол одежду и зажмурила глаза.

Аня думала о Паше. Какая же он все-таки сволочь! А как все начиналось! Цветы, ухаживания, ежедневные провожания до общежития... Да и после ночи, проведенной вместе, казалось, ничего не изменилось. Цветы, ухаживания... До тех пор, пока Аня не поделилась с любимым своими подозрениями. Причины задержки могло быть несколько, но одна из них была беременность, что и подтвердил тест.

Нет, Аня не ждала от Паши предложения выйти за него замуж. Она и сама не была готова так резко входить во взрослую жизнь. Анна понимала, что надо доучиться и ей и Паше. Но она почему-то по простоте душевной думала, что Пашка (он все-таки тоже причастен!) не бросит ее в беде и обязательно что-нибудь придумает. Вот он и придумал – он просто исчез, оставив молодую мамашу один на один со своими проблемами.

И на почве всего этого Аня подумывала о таких вещах, какие, будь она в спокойном расположении духа, никогда не пришли бы ей в голову. Первое, что она задумала, это побрить голову наголо, под «ноль». Но, взяв в руки ножницы, разрыдалась – до стрижки дело так и не дошло. Были и мысли оставить ребенка. Да-да, оставить. Аня думала, что обязательно родится мальчик и он будет очень похож на папу. Она даже имя ему придумала – Ванечка. Иван Павлович... Но потом ее снова накрывала истерика, Аня хватала фотографию Павла и рвала в десятый, а может, в тысячный раз. Склеивала снимок, а потом при случае снова рвала.

К семимесячному сроку Аня успокоилась, фотография когда-то любимого человека, похожая на творение доктора Франкенштейна, куда-то задевалась, и девушка твердо решила родить и оставить дитя на попечение государства. Если бы не приезд брата, все непременно так бы и вышло. И никто бы ничего не узнал. Из общежития она съехала, сняла небольшую квартирку на окраине. У Ани была подруга, но она уехала на Новый год домой, в Тамбов, да так и не вернулась. Аня созванивалась с ней пару раз (в минуты, когда ножницы так и просились в руки). Поговорив ни о чем с подругой из Тамбова, она поняла, что никому не нужна.

Весь срок Аня успешно скрывала беременность от сокурсников, преподавателей и даже от врачей. Благо ее беременность попала на холодное время года. Она ходила в мешковатом свитере и широкой юбке, да и живот был небольшим.

– Ну, вот и все, девочка.

Аня встала с кресла, подняла одежду и начала одеваться.

– Не спеши, – улыбнулась Тамара. – Ты же сюда не бриться пришла. Давай назад.

Девушка послушно сняла трусики и снова залезла на кресло. Тамара села за второй стол и начала что-то писать. Через минут пять в кабинет, словно ураган, ворвалась Быкова, наполнив помещение негативом.

– Так, Тамара, будем стимулировать роды. – Вера Павловна не сводила глаз с Ани.

– На ультразвук...

– Мы будем стимулировать роды, – медленно проговорила Быкова.

Ане очень хотелось помыться. Она лежала голая на кушетке в кабинете Быковой.

«Тужься! Тужься, тварь!» – слова Веры Павловны звенели в голове.

«Мне больно! Mamочка, как больно!»

«Трахаться тебе не больно было, шлюха?! Тужься!»

Аня услышала, что в кабинет кто-то вошел. Встала. Осмотрела себя и только потом взглянула на вошедшего. К ней подошла Тамара и подала маленький сверток.

– Что это? – спросила Аня, но сверток приняла.

– Сынок, – прошептала женщина. – Живой.

«Ванечка», – подумала Аня и, будто испугавшись, сунула сверток назад акушерке.

– Я не поняла. – В кабинет вошла Быкова. – А что мы тут сидим? – Ласковый тон хозяйки кабинета пугал еще больше. – Это тебе не постоянный двор, милочка. Одевайся и убирайся отсюда. Тамара, проводи ее.

– Может, пусть до утра? У нас и свободная палата есть, – попыталась заступиться за девушку Тамара.

– У нас здесь не постоянный двор, – повторила Быкова, села за свой стол и начала что-то писать.

Аня оделась, едва не упав, встала и пошла к двери. Шаги давались с трудом. Больно... или нет? Она не могла понять.

«Трахаться тебе не больно было, шлюха?!»

Аня обернулась и посмотрела на Быкову. Для Веры Павловны кабинет уже был пуст. Тамара проводила Аню до запасного выхода, отдала сверток и поспешно закрыла дверь. Девушка посмотрела на пеленку, в которую завернули ребенка. Плохо выстиранная, выцветшая тряпка.

«А что ты хотела? Чтоб они тебе голубенький конверт купили для Ванечки?»

Ей вдруг захотелось посмотреть на ребенка, откинуть уголок пеленки и поцеловать в сморщенное крохотное личико. Но Аня быстро одернула себя. Она боялась, что в ней проснутся материнские чувства и она не сможет оставить Ванечку. Но они не проснулись.

Аня оставила младенца у подъезда девятиэтажного дома. Прошла несколько кварталов. Без мыслей, без эмоций. Свернула к парку, и тут внезапно ее посетила одна мысль, породившая череду тревог.

«А что, если меня поймают: найдут ребенка и вычислят?! Меня же посадят!»

Аня стремглав побежала к тому самому подъезду. Сверток лежал там, где она его оставила. Аня схватила младенца, забежала за угол и начала разворачивать. Даже когда она увидела маленький комочек с черным пушком на голове, в ней ничего не дрогнуло, не заставило признать себя матерью.

Младенец зашевелился. Аня испугалась, что ребенок закричит, поэтому схватила его за тоненькую шею. Мальчик захрипел. Аня встряхнула тельце, что-то хрустнуло, и ребенок затих. Девушка поспешно завернула трупик...

Ванечки

... в пеленку и побежала к мусорным бакам.

Уже в такси Аня заплакала. Слезы стекали по щекам и капали на тонкий шелковый шарф.

«Вот теперь ты убийца. Ты убийца, Аня!»

Аня проснулась от телефонного звонка. Вчера, приехав домой, она приняла ванну, но легче не стало. Долго не могла уснуть, плакала и корила себя. Корила и плакала. Она ненавидела Пашку, из-за которого попала в эту ситуацию, ненавидела себя, брата (зачем он сюда едет?), ну и конечно, Веру Павловну. Ее за что? Все очень просто – Вера Павловна Быкова всей своей грубостью показала Ане и ей подобным, кто они на самом деле.

«Трахаться тебе не больно было, шлюха?! Шлюха! Шлюха!»

Безмозглые шлюхи, убивающие своих детей, – вот кто они такие. И таких как она, много. Много! Аня была в этом уверена, но легче ей от этого не становилось.

– Алло... – Рука, сжимавшая трубку, тряслась.

– Привет, сестренка! – Радостный голос Бориса вернул девушку к реальности.

– Привет, Борька.

– Ну что, сеструха, встречай завтра.

– Ага. – Аня вдруг поняла, что рада приезду брата. Ей очень тяжело одной. Если бы она осталась одна, то что-нибудь с собой сделала бы. – Ты на какой вокзал приезжаешь?

– На Ярославский в 17:40. До встречи, сестренка.
– До встречи, братик. – Аня едва не расплакалась от нахлынувших на нее чувств. И одним из них было чувство вины.

Был ли виноват в чем-то Паша? Этот вопрос, как и множество других, Павел Королев себе никогда не задавал. Единственный вопрос, который волновал его на данный момент, – с кем он сегодня уйдет из клуба. Пашка вел ночной образ жизни только потому, что именно ночью он мог испытать все удовольствия – танцы, алкоголь, наркотики, ну и, конечно же, девушки.

Единственный ребенок в семье, он привык получать все самое лучшее и по первому же требованию. Велосипед, компьютер, скутер – эти вещи появились у Пашки, когда ни один из его одноклассников о них и мечтать не мог. Дальше – больше. Мальчонка рос. Ему нужны были новые игрушки, которые он должен был покупать сам. И он покупал. Кого-то за деньги (благо папаша мог позволить себе побаловать сына наличностью), а кого-то добрым словом и дешевым букетом.

Паша любил дорогих, ухоженных и не отличающихся сообразительностью девушек. Но не чурался Павел и простушек, без запинки цитирующих Канта и Ницше. Это случалось в те дни, когда он оставался без гроша, а новых поступлений от отца еще не предвиделось. Тогда-то Паша включал все свое обаяние, отправлялся в студенческий городок к друзьям и находил милую девушку, согласную слушать его бред.

Об одной Пашка вспоминал иногда. Такое с ним случалось редко. Год назад или около того, как раз в один из дней «застоя», Королев познакомился с девушкой. Аня... Имя он запомнил, а фамилия вылетела из головы.

Аня ему очень нравилась. Раскосые глаза, высокие скулы, черные волосы, завязанные в конский хвост. Время, проведенное с ней, было своего рода отдыхом от пропахших дорогим алкоголем, табаком и духами женщин. Его тянуло к ней. Противоположные полюса притягиваются. Вот что происходило между ними тогда, почти год назад. Было ли это любовью? Вряд ли. Павел Королев не мог влюбиться в принципе, потому что его сердце уже было занято. Танцы, алкоголь, наркотики, девушки... Весь этот цветной мир он не хотел менять на приятный, но черно-белый. Когда Аня сказала, что беременна, Паша без каких-либо объяснений вернулся туда, откуда пришел, – в свой ночной мир.

Королев вышел из такси без пятнадцати час и направился к «Пропаганде». Несмотря на позднее время, у клуба было многолюдно. Пашка увидел, что на фейсконтроле стоит Серега, бывший чемпион России по кикбоксингу, так что шутки с ним заканчивались плохо. Но тем не менее это было лучше, чем встреча с Равилем. Вчера Королев вел себя не очень тактично, поэтому сменщик Сереги пообещал переломать Пашке все конечности, если он еще раз появится на пороге «Пропки».

Паша улыбнулся Сереге и снял темные очки. Охранник кивнул и отошел в сторону, пропуская гостя. Королев, обрадованный тем, что его конечностям ничего не угрожает, направился напрямик к бару. Заказал «Текилу Санрайз» и повернулся к танцевальной площадке в поисках жертвы. И тут он увидел его. В ногах танцующих лежал сверток сантиметров сорок в длину. Люди, дергающиеся в такт музыки, не замечали его. По какому-то волшебству ни один из танцоров не наступил на кулек.

– «Текила Санрайз», – услышал Паша голос бармена.

Когда он снова взглянул на площадку, свертка не было.

– Неужели после вчерашнего еще «вставляет»? – проговорил Королев, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Что ты сказал? – Блондинка в красном платье с глубоким декольте сидела на соседнем стуле и со скучающим видом крутила зонтик из коктейля.

– Я не... – Паша хотел наглубить, но вовремя остановился. Декольте и все такое. – Я говорю: вчера так «мультиков» насмотрелся, что до сих пор титры идут.

– А-а. Ты на «кислоте» сидишь. – Девушке осталось зевнуть, чтобы заразить скукой и Пашку.

– А что, есть какие-то предложения? – Королев отпил «Текилы».

– Кокс.

То, что девушка была немногословна, напрягало. Либо она полная дура, либо очень умная. И то и другое мало устраивало, но волшебное слово уже было сказано. Пашка думал так: если чика готова поделиться с тобой наркотой, то впредолить ей можно задолго до выхода из клуба.

– Ага. – Паша сделал еще глоток.

– Пошли. – Блондинка встала и направилась к туалетам.

Королев залпом допил остатки коктейля и пошел за своей новой знакомой. Девушка оставилась у двери с буквой «Ж», махнула Пашке и вошла внутрь. Павел вошел следом за ней. Ему было наплевать, какая буква стоит на двери помещения, в котором ему было обещано наслаждение.

В туалете никого не было, все кабинки были открыты. Его знакомая стояла у зеркала и поправляла прическу.

– Ну, малыш, ты готов? – спросила девушка, так и не повернувшись к Павлу.

– Всегда готов!

Девушка хохотнула и пошла к кабинкам. У двери поманила пальчиком.

– Иду, милая.

Он вошел в кабинку и закрыл за собой дверь. Блондинка оголила грудь и посыпала ее белым порошком. Пашка, не дожидаясь приглашения, прильнул лицом к белоснежным холмикам и шумно втянул носом. Девушка застонала. Королев практически сразу почувствовал прилив сил; мозг рисовал события еще не произошедшие, но, по мнению Паши, неизбежные. Он быстро расстегнул ремень, молнию и, опустив брюки с трусами, сел на унитаз. Блондинка задрала платье, села на член Павла и, словно наездница, начала двигать бедрами.

Они кончили одновременно. Девушка встала и вышла, а Пашка остался сидеть. Он закрыл глаза и блаженно улыбался.

Когда он вышел из кабинки, у умывальников никого не было. До Королева только дошло, что он даже не знает, как зовут девушку в красном. Такой секс у него был впервые. Он подошел к раковинам, открыл кран и посмотрел в зеркало. И тут он снова увидел его. Кулек лежал на полу у кабинки, из которой Королев только что вышел.

«Чертовщина! Откуда он взялся?!»

Павел подошел, медленно, будто рассчитывая на то, что сверток исчезнет, уберется туда, откуда появился. Но он остался там, где и лежал. Паша нагнулся и откинул свободный уголок. Этого он никак не ожидал. В пеленку был завернут ребенок. Мертвый, черт возьми, младенец! Павел резко выпрямился и сделал шаг назад. Поскользнулся и упал.

Сверток зашевелился, и пеленка, будто живая, начала разворачиваться. Павел пополз к раковинам. Кайф от наркотика прошел, и Пашка запаниковал. Он молил Бога, чтобы вошла какая-нибудь безмозглая курица (да хоть сам Равиль – сломанные конечности ничто по сравнению с тем, что могло с ним сделать чудовище из пеленки) и вытащила его из этого кошмара. Но никто не входил, никто, черт возьми, не хотел «попудрить носик»!

Младенец вылез из простынки и двинулся на Королева.

«Это мальчишка», – подумал Королев, будто это как-то могло ему помочь.

Пашка вжался в стену и судорожно соображал. Познаний о новорожденных у него было мало, но их хватило, чтобы понять – это невозможно! Ребенок заверещал, как крыса, недо-

вольная появлением кота. И тут Павла ждал еще один сюрприз – у младенца были зубы. Два ряда острых клыков.

«Это все кокс! Этого не может быть! Младенцы не ходят, и во рту у них не может находиться два ножовочных полотна вместо зубов!»

Паша закрыл глаза, но этого ему показалось мало, он прикрыл их еще и руками.

«Сейчас все пройдет. Обязательно все пройдет».

Ужасная боль пронзила сначала левую руку, а потом и все тело. Паша закричал, вскочил и только потом понял причину боли. Младенец, уцепившись зубами, висел у него на запястье. Королев забегал по туалету, размахивая руками. От этого стало еще больнее. Паша подбежал к раковинам и начал бить о них ребенка. Все вокруг было залито кровью (не то младенца, не то самого Пашки). Королев замахнулся и со всей силой ударил тварь о зеркало. Звон стекла – осколки зеркала разлетелись по кафельному полу, а за ними с мокрым шлепком в раковину упал младенец.

Пашка плохо соображал. Боль пульсировала в голове, руке, во всем теле. Королев схватил большой осколок зеркала и посмотрел на мертвого мальчика. Младенец вылез из раковины и прыгнул на пол. Под маленькими ножками осколки хрустели, будто по ним шел мужчина в тяжелых армейских ботинках. С каждым маленьким шажком монстра Павел терял самообладание. Вместо того чтобы выбежать из туалета, из гребаного клуба, он отходил к кабинкам.

Тварь заверещала и прыгнула на Королеву. Пашка попытался прикрыться рукой, но не успел – мертвец впился зубами ему в горло. Павел поднял руку с осколком, но силы оставили его и рука безвольно повисла. Парень сполз по двери кабинки на пол. С каждым выбросом крови из разорванной артерии сознание покидало его. Последним, что он услышал в своей жизни, был шепот мертвого пацана:

– Папа, папочка.

Аня приехала на площадь трех вокзалов в 17:00. До прихода поезда Тюмень – Москва еще было сорок минут, поэтому она зашла в небольшое кафе и заказала себе кофе с тостом. Дома поесть не удавалось – Аня была вся на нервах. Ей чудились какие-то шорохи, шаги. Вчера ночью она отчетливо слышала топот

Ванечка?

маленьких ножек. Конечно, всему виной пережитый стресс, но Аня все равно боялась находиться в квартире одна.

– Я сделаю погромче? – спросил бармен и поставил перед Аней чашку кофе и пластиковую тарелку с тостом.

Аня кивнула, хотя не совсем поняла, о чем он. И только когда прозвучала заставка «Чрезвычайного положения» на НТВ, она сообразила, что парень спрашивал о звуке телевизора.

– Всегда смотрю эту передачу, – протирая стакан, произнес бармен. – Будто и так дерьма мало.

Аня снова кивнула и повернулась к экрану. Она тоже любила смотреть эту программу. Ведь всегда лучше смотреть на чужие неудачи, чем переживать свои. Девушка глотнула ароматного кофе и вслушалась в то, что говорит ведущий.

– Череду внеплановых проверок подверглось большинство столичных ночных клубов. Сотрудники УФСКН подозревают руководство одного из клубов в продаже наркотиков своим посетителям. Клуб «Пропаганда» попал в поле зрения наркоконтроля после ночной трагедии. Молодой человек под воздействием наркотиков покончил жизнь самоубийством в женском туалете клуба.

Аня увидела окровавленный труп, взятый крупным планом.

«Пашка?!»

Она вскочила, опрокинув чашку с кофе. Лицо парня показали крупным планом. Аня задрожала всем телом. Самоубийцей действительно оказался Павел Королев, но не это так напугало девушку. Ане вдруг показалось, что она видит кровавый след от маленькой ладошки на щеке Паши.

– Эй, девушка, с вами все в порядке?

Аня повернулась на голос.

– Может, «Скорую» вызвать?

– Нет. Все нормально. – Аня села на стул. – Сколько я должна?

Расплатившись, Аня пошла к платформам. Она не могла поверить в то, что видела собственными глазами. След от маленькой ладошки на щеке. А был ли он на самом деле? Топот ног, шорохи, следы от ладошек... Аня вдруг поняла, что все-таки очень рада приезду брата. Как только она увидела Борьку, подбежала и кинулась ему на шею.

– Вот теперь я вижу: рада.

Аня и Борис просидели на кухне допоздна. Разговоры о маме, папе, младшей сестренке и о многочисленной родне успокоили Анну.

– Ну что, сестренка? – Борька зевнул. – Будем ложиться?

– Да ну, Борь, еще же только два часа...

– Ого! Это у нас сейчас четыре утра!

– Ну, хорошо, если хочешь, я постелю... – Аня заметно погрузнела. Она боялась ночи, наполненной шорохами и топотом.

– Что с тобой, сестренка? – Борис забеспокоился.

– Все нормально. – Аня улыбнулась.

Все нормально, кроме того, что я стала убийцей. И, похоже, скоро сойду с ума.

– Я просто хотела еще поговорить.

– Сестричка, – Борис обнял Аню, – да мы с тобой еще вдоволь наговоримся. Я сюда надолго.

– Ага. Ладно, пойду стелить.

Аня вошла в комнату и остановилась. Ей показалось, что кто-то маленький пробежал от дивана к окну. Девушка включила свет и посмотрела на теневую штору. Никого. Аня подошла и отдернула занавеску. Точно никого. Девушка вздохнула, зашторила окно и пошла к шкафу за постельным бельем.

Проснулись они около десяти. Воскресный день радовал солнечной погодой. Аня потянулась, встала и начала убирать постель.

– Доброе утро, сестренка. – Боря сел на раздвижном кресле, служившем ему кроватью.

– Доброе утро. А ты чего не спишь?

– Да ну. У нас ведь уже двенадцать.

Аня улыбнулась:

– Через пару недель ты забудешь, сколько времени «у нас».

Боря встал и пошел ванную. Аня услышала, как полилась вода.

– Анют!

– Что?

– А у вас в доме дети есть?

Аню передернуло.

– Не знаю. Я здесь недавно живу. – Пауза. – А почему ты спрашиваешь?

Боря зашел в комнату с полотенцем в руках.

– Всю ночь какой-то малыш бегал, по-моему, по соседней квартире и плакал.

Ванечка? Какой, к чертям собачьим, Ванечка?! Нет никакого Ванечки!

– Наверное, есть. – Аня пожалала плечами и продолжила складывать постельное белье внутрь дивана. Она с трудом сдерживала волнение.

Следующей ночью Аня долго не могла уснуть. Тихо лежала и вслушивалась в ночные звуки. Где-то залаяла собака, взвыла сигнализация чьей-то машины, заплакал ребенок... Ребенок?! Аня приподнялась на локтях. Плач доносился из кухни, по крайней мере, так казалось Ане. Она встала и пошла на звук. Борька посмотрел ей вслед, перевернулся на другой бок и снова заснул.

Ванечка лежал на кухонном столе. Он больше не плакал. Ане показалось, что с того момента, как она...

убила его

... видела его, мальчик подрос. Теперь он выглядел как двухмесячный малыш.

«Бред! Бред! Этого не может быть! Он умер тогда и сейчас никак не может оказаться здесь! Не может!»

Аня медленно подошла к столу и, искренне надеясь, что это всего лишь галлюцинация, дотронулась до ребенка. Девушку передернуло – перед ней лежал младенец! Чтобы не потерять сознание, Аня схватилась за стол. И тут Ванечка открыл глаза, уткнулся и протянул ручки к маме.

Аня проснулась от боли в груди. Соски горели, будто ночью их кто-то выкручивал. Аня посмотрела на кресло, где спал брат, – Борьки не было. Девушка встала, ощупала грудь и пошла в ванную.

Боря сидел за столом в кухне и нажимал кнопки телефона. Аня подошла и встала в дверях.

– Что ты там ищешь? – Она поняла, что в руках брата ее телефон.

Борис дернулся, но, взяв себя в руки, положил телефон на стол и повернулся к сестре.

– Почему ты скрывала его от меня?

– Ты это о ком? – Аня напряглась.

– «Не знаю. Я здесь недавно живу», – передразнил Боря Аню.

– Что ты несешь?

– Да перестань! Перестань уже! – Боря встал. – Вот почему ты не слишком обрадовалась моему приезду!

– Что ты несешь? – только и смогла повторить Аня.

– Ребенок за стеной твой! – выпалил Борис и снова сел.

– Ха. Ха-ха-ха, – нервный смех вырвался изо рта девушки. – Ты с ума сошел, – успокоившись, произнесла Анна.

– Я сошел с ума?! Это я сошел с ума?! – Боря снова вскочил с места. – Аня, я же не зверь. Ну почему ты мне не сказала, что у тебя ребенок?

– Ну с чего ты, черт возьми, взял, что у меня есть ребенок?!

– Ты кормила его ночью грудью...

Аня едва не упала в обморок. Она на негнущихся ногах подошла к столу и села.

– Кто отец? – спросил Борис.

Мертвец!

– Паша Королев, – ответила Аня и закрыла глаза.

Когда Боря, хлопнув дверью, вышел из квартиры, Аня заплакала навзрыд.

Борис быстро нашел нужный адрес, обнаруженный им в телефоне сестры. Посидел на детской площадке у дома. Надо было подумать. Если бы Боря приехал на пару месяцев раньше, то обязательно наказал бы и распутную сестру, и этого папашу, сующего свою кочерыжку куда

попало. Пару месяцев... Нет, сейчас он не мог просто забежать и избить. Ребенку нужен отец. Поэтому Боря хотел поговорить. Поэтому он выкурил пять сигарет, взвесил каждое слово, которое он скажет будущему родственнику, и пошел к подъезду.

– Ты не к Пашке? – спросила старушка, держащая в руках маленькую собачонку.

– Наверное, – неуверенно произнес Борис. – Мне нужен Павел Королев.

– Помер он, – просто сказала женщина, а собачка радостно тявкнула.

– Как?

– Кусок зеркала себе в горло загнал.

Собачка снова тявкнула.

– Наркоман он был, – продолжила старушка. – А ты, поди, не знал?

– Нет.

Я тут, как оказалось, много чего не знал.

– Спасибо, – выдавил из себя Боря и пошел к остановке.

Наркоман. Черт возьми! Как эта шлюха могла связаться с наркоманом?! Моя сестра шлюха!

Боря захотел напиться. На остановке купил бутылку пива и осушил ее в несколько глотков. Нет. Надо что-нибудь покрепче. Вернулся к ларьку, взял водки, стаканчик и бутылку «Спрайта». Примостился тут же на скамейке и начал «заливать горе». А было ли горе? Вот об этом-то Борька и думал.

Район, в котором он оказался, не понравился ему сразу. Людей мало, да и те какие-то неприветливые. Поэтому появление свертка на другом конце лавки Бориса не удивило. В кулке могло оказаться что угодно, но Боря склонялся к мысли, что это все-таки ребенок. Какая-нибудь наркоманка забыла, а то, может, и выбросила. Что за нравы?!

Борис в свои двадцать пять верил в добро и жизненную справедливость, но тем не менее он догадывался, что не все люди святые. А что еще противней, так это то, что те, которые о святости даже и не помышляют, хотят склонить на свою сторону хороших людей. Вот именно поэтому Борька и наблюдал за младшими сестренками. Он понимал год назад, что нельзя Анну одну отправлять в Москву, но мама его переубедила. Как теперь видно – зря.

Боря подсел ближе к кулке и откинул уголок. На него смотрели два больших глаза. Личико ребенка было все в язвах и струпьях, поэтому живыми в свертке были только глаза. Боря соскочил с лавки и попятился к ларьку.

Черт знает что! Наркоманы, шлюхи и мертвые дети... Одним словом, столица Греха.

Чудовище выбралось из пеленки и двинулось на него.

Возможно ли, что Борис видел то же, что и я? Но тогда получается – Ванечка был здесь! Но как?! Каким образом мертвый ребенок мог оказаться в квартире?! И куда он потом делся?

Множество вопросов крутились в голове, словно дьявольский водоворот, готовый затянуть ее в омут ирреальности. Аня включила ноутбук, подождала загрузки системы, вышла в Интернет и набрала в поисковике «младенцы-призраки».

Цикл анекдотов о мертвых младенцах.

Каноническая коллекция шуток продохлых младенцев.

Мертвые младенцы по-украински.

Все не то!

Если убить такого младенца, то он становится ангсяком...

Вот оно! Аня открыла страницу и начала читать.

По верованиям северных народов, ребенок, получивший имя, обретает душу. Если убить такого младенца, то он становится ангсяком, который приходит к своей матери и сосет ее молоко, чтобы получать силы для мести. Тело такого существа разлагается, но продолжает

жить. Этот монстр может успокоиться только после того, как истребит виновных в своей смерти.

Вдруг Аня дернулась и вскочила.

А что, если ребенок никуда не делся? Он здесь! Где-то здесь!

Анна схватила нож. Ей все время казалось, что за ней кто-то наблюдает. Размахивая огромным тесаком, пошла в комнату. Ванечка сидел спиной к ней и чем-то игрался. Аня напряглась. Мальчик заметно подрос; теперь он походил на годовалого малыша.

– Мама, мамочка, – прозвучал детский голос, но ребенок так и не повернулся.

Анна медленно приближалась.

– Ванечка?

Какой на хрен Ванечка?! Это монстр! И он хочет убить меня!

Она подходила. Теперь Аня увидела, с чем играет ребенок. Она вскрикнула и выронила нож. Ванечка встал и выставил когтистую лапу с окровавленной головой Бориса. Аня завизжала и побежала в коридор.

– Мама, мамочка...

Аня схватила связку ключей и попыталась подобрать нужный. Руки тряслись. Ключи противно звенели. Первый ключ. Не тот. Второй. Нет. Аня то и дело оборачивалась. Третий... Ванечка стоял в метре от Ани. Она повернулась, все еще продолжая манипуляции с ключами. Голова брата в руке чудовища была повернута лицом к Ане. Когда четвертый или пятый ключ с долгожданным щелчком вошел в скважину, голова открыла глаза и мерзким голосом произнесла:

– Шевелись! Когда с мужиками кувыркалась, поди, порасторопней была!

Аня повернула ключ, открыла дверь и выбежала из квартиры.

Дом 14 по Ферганскому проезду Аня нашла сразу, несмотря на то, что она здесь была всего лишь второй раз. Все было как прежде. Лифт, больше похожий на общественный туалет, квартира-муравейник, заляпанная дверь, за которой было ее спасение. Возможное спасение.

– Еттык! А эта ты?! Пащему без званка?

– Понимаете...

– Што, апять?

Аня рассказала Коровье все. Даже свои предположения по поводу Паши. Через двадцать минут вся мебель в комнате была сдвинута к стенам, люди, до этого снующие без дела по квартире, сидели вокруг пляшущего Коровье. Шаман подпрыгивал, бил в бубен, от звука которого закладывало уши, и напевал что-то на своем языке.

Вдруг шаман замер, последний раз ударил в бубен и осел на пол. Коровье прошептал какие-то слова и закрыл глаза. Снова прогремел бубен, но шаман даже не дотронулся до него. Теперь Ане стало по-настоящему страшно. Она зажмурилась. Когда Миронова открыла глаза, на нее смотрел шаман.

– Имя ангьяка.

– Кого?

– Имя!

– Ванечка.

– Иван! – Удар в бубен. – Иван! – Удар. – Иван!!! – Казалось, что от гула после удара в бубен завибрировала вся комната. – Духи тундры призывают тебя уйти из мира живых! Уходи!

Шаман снова обмяк; бубен выпал из его рук и покатился к Ане. Она взяла его. Странная вибрация сотрясла все тело, будто вместо кожи на бубен натянули ее и ударили. Из оцепенения Аню вырвал шаман Коровье.

– Все, девочка. – Он взял у нее бубен. – Атау!

– Атау, – повторила Аня и посмотрела вокруг. Люди ушли; кроме нее и шамана в комнате никого не было.

– Атау. – Коровье указал ей на дверь.
– Это все? Он не вернется? – спросила Аня уже в коридоре.
– Не вернется. Духи тундры его не выпустят, – уверенно произнес шаман и закрыл дверь перед девушкой.

– Идиотка, – произнес Коровье, как только остался один.
Он лечил головную и зубную боль, делал аборт и обрабатывал раны народными средствами. Люди верили ему. А куда им деваться? Человек, придумывающий себе проблемы, только и вылечится благодаря внушениям. Сегодняшняя пациентка навдумывала себе такого, что подорожником не обойтись.

Шаман улыбнулся и погладил тугую кожу бубна. Дешевая подделка обошлась ему в четыре тысячи рублей; так, купил как аксессуар – шаман без бубна, что доктор без диплома. Вот покупка и принесла первую прибыль. Коровье даже и не рассчитывал из этой безделушки извлечь более или менее приличный звук. Обечайка вырезана не то из тополя, не то из липы; кожа, скорее всего, бычья. Одним словом, аксессуар. В его родном селении для бубна брали кожу желудка моржа, выделяли и, чтобы бубен звучал по-особому, коптили ее на огне. Обечайку вырезали из твердых пород древесины. Но здесь это ни к чему.

– Духи тундры призывают... – Коровье едва сдержался, чтобы не рассмеяться вслух.
Он и дома-то не очень верил во всех этих духов, ангъяков, а здесь в Москве каждый подросток – ангъяк. Смотрит стеклянными мертвыми глазами и думает, кого бы зарезать за мобильник.

Это ж надо как девку послеродовая депрессия приперла. Ангъяка выдумала. Да, действительно, существует легенда о душе младенца, мстящего за свою смерть. Но это же миф!

Вдруг шаман услышал какое-то шуршание в старом шкафу. Он прислушался. Шорох стих, но раздался новый звук. Коровье слышал такой у себя в селении, когда кот загнал в угол огромную крысу. Тварь верещала как...

...как сейчас.

Шаман подошел к шкафу и резко открыл дверь. На каком-то тюке сидел годовалый мальчик.

Ванечка встал, заверещал, как атакующая крыса, и прыгнул на шамана. Последнее, что вспомнил Коровье перед смертью, так это концовку легенды.

«Ангъяку ничего не оставалось, как повиноваться шаману и уйти из мира живых», – гласила она.

Но это была одна из версий.

Аня вернулась в квартиру. Медленно прошла по ней в поисках следов пребывания Ванечки. Но не найдя ничего, вздохнула и пошла к шкафу собирать вещи. В метре от гардероба остановилась – ей вдруг показалось, что там кто-то есть. Несмотря на уверения колдуна, Аня очень боялась, что это ангъяк.

«Да нет! Нет, конечно же!» – отмахнулась Аня, но дверь открывать не спешила.

Когда внутри шифоньера кто-то заверещал, Миронова отпрыгнула, схватила сумку и выбежала в коридор.

«Вещи можно забрать и потом».

Даже если это всего лишь крыса, встреча с ней была не запланирована.

В начале апреля дефицита билетов не предвиделось, поэтому один билет в купе Анна приобрела без труда. Поезд отходил в 16:30, у Ани был час свободного времени. Очень хотелось есть. С этими ангъяками, шаманами и изгонениями дьявола она совсем забыла о еде...

... и о брате...

Она совсем забыла о Боре. Неужели монстр убил его? В это верилось с трудом. Сейчас вообще во все, что с ней произошло, верилось с трудом. Беременность, роды, убийство Ванечки, смерть Пашки, голова Бори в руке призрака, шаман с бубном... Все это элементы не ее, чужой жизни. Все это произошло, но не с ней. С кем угодно, но только не с ней.

В кафе негромко играла музыка. За столиком у окна сидел пожилой мужчина и очень быстро ел. Аня подошла к стойке, посмотрела на меню, написанное от руки. Рис и тефтели, гречка и гуляш, макароны и котлеты. Обилие пищи вызвало невольное урчание в животе. Аня определилась с выбором и уже собралась его озвучить, когда поняла, что она здесь совершенно одна. Ни посетителя, жадно поедающего свою порцию, ни продавца за прилавком, даже само кафе стало каким-то странным. Вместо прилавка стоял ресепшен, точно такой же, как в клинике Веры Павловны, меню осталось, но вместо котлет, гречки и тефтелей в нем были написаны виды услуг:

Аборт – 6000 руб.

Роды в срок – 12000 руб.

Искусственные роды – 15000 руб.

Роды с умерщвлением младенца – 20000 руб.

Изгнание ангъяка – 25000 руб.

Аня попятилась. Удар в бубен заставил девушку подпрыгнуть. Она посмотрела в сторону, откуда исходил звук. Ванечка вышел из комнаты за ресепшн-стойкой. Он держал в руке бубен и бил по нему колотушкой. Аня поняла – шаман ее обманул: ангъяк никуда не ушел, и, похоже, Коровье узнал об этом первым. Она не была уверена, но ей показалось, что кожа, натянутая на обечайку бубна, когда-то была лицом горе-шамана.

С каждым ударом бубна Анна вздрагивала и делала шаг назад. Удар. Шаг. Удар. Шаг. Аня отходила, пока во что-то не уперлась. Ангъяк приближался; растянутое лицо Коровье вибрировало. Аня повернулась. За спиной стояло гинекологическое кресло. Вдруг какая-то невероятная сила подняла девушку и швырнула на него. Ноги Анны самопроизвольно раскинулись и легли на опоры. Она попыталась встать, но тело не слушалось ее; ободы на опорах сомкнулись на лодыжках и развели ноги еще шире. Мертвое дитя подошло совсем близко, но Анна видела его. Ванечка перестал бить в бубен, улыбнулся и развернул атрибут шамана к девушке лицевой стороной.

– Духи тундры призывают тебя... – произнес бубен голосом Коровье.

Аня видела, как шевелится растянутый рот.

– Тужься! Тужься, тварь! – Голос искаженный, но все-таки Аня его узнала. Он принадлежал Вере Павловне Быковой.

Ванечка засмеялся. И практически сразу же Аню скрутила жуткая боль. Ребра, внутренности, низ живота – все будто выворачивало наизнанку. Ей было больно. Очень больно!

– Мне больно! Мамочка, как больно! – закричала Миронова.

– Трахаться тебе не больно было, шлюха?! – загудел бубен.

Чьему голосу он подражал, Ане было все равно. Девушка почувствовала ужасную боль в промежности, будто туда засунули раскаленную кочергу. Кричать не было сил, поэтому Аня застонала. Боль стала нестерпимой. Миронова посмотрела помутневшим взглядом себе между ног. Там на табуретке стоял ангъяк. Его руки по плечи были в ней. Мертвец заверещал и засунул голову вслед за руками. Аня вскрикнула и тут же замолчала. Ванечка рвал внутренности матери и лез вперед. Аня уже ничего не чувствовала. Весь мир вокруг помутнел.

Монстр может успокоиться только после того, как истребит всех виновных в своей смерти. Я – последняя.

– Я – последняя!.. – протяжный крик утонул в городском шуме.

В моей смерти прошу винить...

Светлана Алексеевна подошла к школе, посмотрела на окна, где учился ее мальчик, ее Сашенька. Женщина поправила одной рукой седую прядь, выбившуюся из-под синего платка, а другой запахнула полы серого плаща. Мелкий осенний дождь хлестал по изможденному лицу. Капли собирались в морщинках и стекали, будто слезы, к уголкам губ, к подбородку. Светлана Алексеевна уже года два не плакала, и вот сейчас ей хотелось, но она не могла. Она не могла предать Сашеньку и показаться перед ними в таком виде.

Женщина вошла в просторный вестибюль, осмотрелась – за столом прямо у входа сидел работник ЧОПа и, придерживая рукой голову, дремал.

– Поспи, сынок, поспи, – прошептала Светлана Алексеевна и пошла к лестнице.

На втором этаже женщина подошла к кабинету химии и посмотрела по сторонам – слева, в конце коридора, уборщица в синем переднике мыла полы. Светлана Алексеевна резко открыла дверь и вошла в кабинет.

– Сдаем работы. Санников... – Вера Федоровна, учительница химии, замолчала, увидев гостью.

Светлана Алексеевна подошла к кафедре и остановилась в метре от учительницы. Дети сидели молча – они прекрасно знали вошедшую. Особенно Санников. Он медленно встал.

– Сядь на место, – не поворачиваясь к подростку, произнесла Светлана Алексеевна. Тихо, но властно.

– Что вы себе позволяете? – еле выдавила из себя Вера Федоровна. – У нас здесь урок...

– Заткнись! – прошипела Светлана Алексеевна и, откинув полу плаща, достала обрез охотничьего ружья. Одна из девочек взвизгнула; Светлана не была уверена, но ей показалось, что это Лейла Сидорова – она сидела за одной партой с Сашенькой.

Учительница попятилась, пока не уперлась в подоконник.

– Зачем вы это делаете? – дрожащим голосом спросила Вера.

Ответом был выстрел. Вера Федоровна ударилась о раму и упала лицом к ногам убийцы. Светлана развернулась к классу и, еще оглушенная выстрелом, скорее рефлексивно, нажала на спусковой крючок. Санников отлетел на парты и затих. Женщина уронила оружие и осела на пол. Она не видела ни разбегающихся детей, ни орущего в телефон взъерошенного охранника, ни убитых людей. Ее глаза застилали слезы. Впервые с того дня, когда умер сын, впервые с того момента, когда она пообещала отомстить.

Сашка Мартынов не любил химию, но очень старался, чтобы Вера Федоровна этого не заметила. И причин тому несколько. Во-первых, если он завалит химию – не видать ему одиннадцатого класса как своих ушей, а вместе с тем и мечты всей своей еще пока коротенькой жизни: стать художником. Во-вторых, Вера Федоровна (Верочка, как он называл ее только в своих мечтах) Саше очень нравилась. Да что там, он был в нее влюблен, к сожалению, без каких-либо намеков на взаимность.

Когда тебе пятнадцать и ты влюблен, когда предмет твоего обожания в метре от тебя, трудно думать о щелочах и кислотах, о пробирках и колбах, о соединениях... В эти короткие сорок пять минут Саша думал только об одном соединении, которое было ближе скорее к урокам анатомии. Но потом он мысленно одергивал себя, мол, уроки анатомии только в одиннадцатом классе, а до него еще надо как минимум получить четверку по химии в году. Единственным уроком, где он мог по-настоящему предаться своим мечтам, был урок физкультуры. У Саши было плохое зрение, которое с каждым годом ухудшалось. Как он иногда подшучивал сам над собой: «С каждым годом линзы на моих очках становятся толще на один миллиметр». Окулист каждые полгода выписывал лекарства, упражнения и освобождение от физкультуры.

В общем, когда весь класс подтягивался, сдавал кроссы и прыжки в длину, Саша тихонько сидел на скамейке и рисовал.

Портреты Веры Федоровны занимали большую часть альбома. И почти все они изображали любимую учительницу в обнаженном виде. Саша рассматривал каждое из них и чувствовал, как возбуждение наполняет его, грозя вырваться наружу. Чтобы хоть как-то уменьшить желание, Саша закрыл глаза, но Вера была и там – у него в голове.

– Дрочишь, четырехглазый?

Одновременно с этими словами Саша открыл глаза и захлопнул альбом. Перед ним стояли Леша Санников и Игорек Ларин.

– Леха, да у ботана стояк! – произнес Ларин так, будто увидел Эйфелеву башню из окна своей общаги.

И тогда Саша вскочил и побежал к выходу; ребята засмеялись.

– Ты видел? – успокоившись, спросил Игорь. – У него там голые тетки.

– Да не тетки, дурак! – Леша усмехнулся. – Там наша Верочка.

Они ждали Сашу после уроков у заброшенной котельной. Мартынов увидел ребят, только когда они окружили его.

– Ну, очкарик, показывай, что у тебя там. – Геворг Мурадов, самый маленький из одноклассников, подошел к Саше и дернул папку с рисунками. Сашка знал, что потеряй он даже очки, все равно, на ощупь, смог бы побить этого недоростка, но у него за спиной стояли Санников и Ларин. Геворг еще раз дернул папку – уже сильнее, настойчивей. Сашка обеими руками прижал ее к груди.

– Ты че, лохозавр?! – Хулигану явно не нравились попытки жертвы сохранить свое имущество.

– Ребята, оставьте меня в покое, – пробормотал Саша.

К нему подошел Санников и обнял за плечо.

– Ребята, оставьте меня, – передразнил он Мартынова. – А то меня маменька заругает.

Упоминание о маме в таком тоне у Саши, мягко говоря, вызывало гнев. Он еще крепче сжал папку.

– Кстати, Мартын, а где она сейчас полы моет? На автобазе?

– О, да ее повысили, – включился в разговор Ларин. – В прошлом месяце она в моей общаге сортиры драила.

Ребята засмеялись, и Сашка, не совсем соображая, что происходит, ударил Игоря. Не сильно, так, вскользь, но лица хулиганов перекосило до неузнаваемости.

– Ах ты, сука четырехглазая! – заорал Геворг и прыгнул Сашке в ноги. Когда Мартынов упал, его волновало только одно – чтобы очки не сломались.

Сашка зашел домой, когда мамы еще не было. Она уходила рано, а приходила поздно. Утром она мыла полы (Ларин был прав – она убиралась у них в общежитии), потом шла на основное место работы, а вечером – на автобазу. Сашка бы и рад был помочь, но для этого ему пришлось бы перейти на вечернее, и тогда до свидания карьера художника. Да и мама этого никогда не допустит.

С того момента, как погиб отец – его завалило на шахте, она все взвалила на себя. Мама стойко перенесла невосполнимую потерю – она не плакала на похоронах, она не плачет и не жалуется сейчас. Саша иногда думал, что он не такой, как мама. Он – нюня, ботан, лохозавр. Ему всегда хотелось плакать. Он не мог, как мама, держать удар. Вот и сейчас, стирая грязные вещи, Сашке хотелось разрыдаться. Он не мог понять – за что?

Очки не разбили, но одно ушко отломилось. Закончив с бельем, Саша пошел к себе в комнату. Сел за стол, включил настольную лампу и принялся за починку очков.

«Даже если придется замотать ушко изолентой, – решил Саша, – я ни за что не скажу маме о поломке».

Ему снова захотелось плакать.

«За что? Ведь я им ничего не сделал!»

Он вспомнил, как Мурадов тянул папку, как Санников издевался, как Ларин говорил плохие слова о маме, как... У него встал перед глазами образ маленького наглого Мурадова.

«Ну, очкарик, показывай, что у тебя там», – вспомнил Саша слова Геворга.

Саша надел очки и осмотрел стол.

«Дрочишь, четырехглазый?»

Они видели, что у него в папке, и ждали после школы, чтобы отобрать.

«Леха, да у ботана стояк!»

Отобрать и показать всему классу! Сашка похолодел. Он заметался по комнате. На кровати папки не было, на столе тоже. Саша выбежал в коридор. На кухне, в ванной, в прихожей и в комнате мамы рисунков не было. Либо папка у Санникова и его приятелей, либо она еще там... Точно, у котельной.

Саша накинул старенькую куртку и выбежал из квартиры. Навстречу шла мама.

– Ты куда, сынок?

– Я сейчас, мама. Я скоро, – уже выбегая из подъезда, произнес Саша.

Женщина с улыбкой посмотрела вслед сыну, вздохнула и вошла в квартиру. В прихожей села на тумбочку – устала. Светлана Алексеевна очень устала, но никому об этом не говорила.

«Ничего, отучится Сашенька, тогда и отдохну».

Женщина улыбнулась, разделась и пошла на кухню готовить ужин своему Сашеньке.

Саше первый раз с того момента, как он начал учиться, не хотелось идти в школу. У заброшенной котельной он нашел пустую папку. Конечно, рисунки могло разметать ветром или их могли унести какие-нибудь мальчишки, даже и понятия не имеющие о существовании Сашки Мартынова. Но могло быть и по-другому. Вот это-то и пугало.

Его опасения подтвердились, как только он вошел в кабинет. Первым уроком была алгебра. Самый любимый урок Саши, но сейчас он не чувствовал бывшего восторга, а лишь сухость во рту и дрожь в коленях. Он шел по проходу между партами под пристальными взглядами одноклассников.

«Они всем рассказали». – Сашке снова захотелось плакать.

Кто-то за спиной крикнул:

– Очкарик – дрочун!

Саша на негнущихся ногах добрался до своего места. Сел за парту. Лейла улыбнулась ему:

– Привет. Чего это они?

Саша не ответил. Украдкой посмотрел на Санникова. Тот что-то рассказывал девочкам. Они захихикали и посмотрели на Мартынова. Ох, как сейчас Саше хотелось сказать по-детски «Чур, я в домике», и все – никто тебя не тронет.

Положение спасла Ангелина Валерьяновна – учительница алгебры. Она вошла в кабинет, водрузила на массивный нос очки в роговой оправе и зычным голосом произнесла:

– Санников, урок начался.

– А я что?..

– Слезь с парты и перестань пудрить мозги отличникам.

Девочки снова захихикали, но на Сашу не посмотрели – не было повода.

Когда-то любимый урок алгебры стал самым длинным. Саша ловил на себе презрительные и насмешливые взгляды одноклассников. После звонка Саша остался сидеть за партой. Он опустил голову и собирал рюкзак.

– Сашка, ну ты идешь? – Неугомонная Лейла стояла у парты и улыбалась.

«Чур, я в домике».

Лейла пожала плечами и выпорхнула из класса.

Саша всю перемену прятался от одноклассников. Теперь ему казалось, что о рисунках знает вся школа и все хихикают и шепчутся за его спиной. В кабинет химии он вошел за пару секунд до звонка. Веры Федоровны еще не было. Саша медленно пошел к своему месту, окружающие, казалось, его не замечали.

«Неужели все? – подумал Саша. – Они оставили меня в покое».

Он сел на свое место, и тут же ему на парту упал бумажный самолетик. Саша, не поднимая головы, развернул его. Это был один из его рисунков.

«Нет, они не оставят меня в покое».

Он посмотрел туда, откуда мог прилететь самолет. На него, ухмыляясь, смотрели Леша, Игорь и Геворг. Только теперь он заметил, что все вокруг смеются и указывают на доску. Саша встал. Класс стих, когда в кабинет вошла учительница химии. Саша, продолжая сжимать в руках один из рисунков, повернулся к доске. Она вся была усеяна его творениями.

– Что это за... – Вера Федоровна не нашлась, как назвать то, что увидела. Она подошла и сняла один рисунок. – Что это за... Кто это сделал?!

И тут Сашка заплакал. Громко, навзрыд. И еще до того, как Вера Федоровна начала кричать, выбежал из класса.

Светлана Алексеевна вышла из кабинета директора. Села на скамейку – она едва держалась на ногах. В принципе ничего криминального и аморального в этом не было. Голые девки заполнили все рекламные щиты и ролики. Мальчик влюбился в свою учительницу, вот и изобразил ее так, как видел. Уж действительно как видел. Светлане Алексеевне при встрече с Верой Федоровной показалось, что на молодой женщине только одна блузка, едва прикрывавшая нижнее белье. Что за нравы? Дети одеты, как... А учителя? Общественная организация, которая должна поддерживать дисциплину, разлагает ее.

Нет, Светлана Алексеевна не оправдывала сына. Он поступил скверно, и она с ним поговорит. Все верно: дисциплина должна прививаться в первую очередь в семье. Но какой толк от этого, если придя в школу, ребенок видит учительницу или одноклассницу практически в нижнем белье.

Светлана вспомнила свое детство. Да, им тоже хотелось выглядеть красиво, но все попытки пресекались. Ее лично один раз даже водили умыть. А делов-то – подкрасила чуть-чуть глаза. Школьная форма уравнивала всех. Сейчас модно говорить об индивидуальности, мол, не было ее тогда. Может быть. Но тогда не было унижений и избиений одноклассников. Тогда была дисциплина.

Из кабинета директора вышла Вера Федоровна, посмотрела сверху вниз на мать Мартынова и пошла к своему кабинету. В такую можно влюбиться. Вертихвостка. Только одно смущало Светлану Алексеевну – не мог Сашенька развесить свои рисунки по всему классу.

– Мартынов, к доске, – не поднимая взгляда от журнала, произнесла Вера Федоровна.

Санников с ехидной улыбкой посмотрел на Сашу. Тот шел молча, как агнец на заклание. После случая с рисунками Вера Федоровна обратила на него внимание, да так, что теперь он рад бы был и тройке в четверти.

– Итак, Мартынов, – женщина подняла на мальчика, как ему когда-то казалось, красивые глаза, – поведай нам о применении неорганических веществ.

Уф, это-то Сашка знал. Он заговорил:

– Первое. – Подросток загнул один палец так, чтобы никто не видел. – Способность металлов проводить электрический ток используется в электробытовых приборах, комп...

– Давай дальше. – Женщина не сводила с ученика глаз.
– Второе. – Другой палец загнулся. – Высокая теплопроводность металлов используется в быту – из...

– Дальше.
– Третье. – Еще один палец лег к другим. – Высокая отражательная способность металлов...

– Дальше. И перестань загибать свои кривые пальцы!

Кто-то хохотнул. Саша подумал, что Геворг.

«Она все видела! Она видит меня насквозь!»

– Кислород. – Ему хотелось плакать, поэтому ответы были уже не такими четкими. – В больнице кислород используют для поддержания дыхания больных. – Голос дрожал. – В быту постоянно используется поваренная соль; стиральная сода входит в состав стиральных порошков; питьевая сода...

– Что ты мямлишь?! «Питьевая сода», – передразнила Сашу Вера Федоровна. – Садись, два. Ты совершенно не готов.

Саша шел и старался не заплакать. Кто-то, скорее всего Ларин, прошептал ему вслед:

– Дрочун.

Когда Саша сел, то увидел, что Вера Федоровна смотрит на него. Смотрит и улыбается. Она слышала, как назвал его Игорь, и не сделала замечание хулигану. Мало того, она радовалась его унижениям. Прозвенел звонок, Вера Федоровна встала и, все еще улыбаясь, сказала:

– Все свободны.

«Черта с два свободны!» – таких мыслей Саша от себя не ожидал. Он даже покраснел.

Саша набрался храбрости и решил поговорить с учителем химии. Две недели он был центром внимания. Учителя как сговорились – где он был силен и проявлял активность, его будто не замечали, а где слаб, наоборот, спрашивали каждый урок и топили, топили. Топили, черт возьми! Даже всегда веселый и приветливый учитель истории Александр Анатольевич осуждающе смотрел на Мартынова.

– Чего тебе?

Презрительный тон стал более заметен, как только Саша остался наедине с Верой Федоровной.

– Вера Федоровна, мне нужно с вами поговорить.

– Так говори быстрее – у меня мало времени.

– Вера Федоровна, я этого не делал, – на одном дыхании проговорил Саша.

– Что именно, Сашенька?

Ласковое обращение сбило с толку мальчика.

– Вера...

– Ты не рисовал эту порнографию?

Парень не знал, что ответить. Женщина продолжала улыбаться, но задавала такие вопросы, которые никак не вязались с ее внешним видом. Вдруг женщина перестала кривляться и, посерьезнев, сказала:

– Ты, подонок, еще ответишь.

– Вера Федоровна, мне нужно попасть в десятый класс...

– А зачем? Зачем?! Полы можно мыть и без высшего образования.

– Я хочу стать художником...

– Вот мне где твои художества! – крикнула женщина, проведя большим пальцем по горлу. – Ты у меня будешь всю жизнь полы мыть вместе со своей мамашей, – прошипела Вера. – Пошел вон отсюда!

Саша, словно оплеванный, поплелся к двери.

– Да, и готовься к следующему уроку! – крикнула Вера Федоровна, когда Саша вышел из кабинета.

Они снова ждали его у заброшенной котельной. К неразлучной троице прибавился Семен Бугров – здоровенный прыщавый парень. Если бы не прыщи и не детское выражение лица, он вполне мог сойти за взрослого мужчину. Саша, как и в первый раз, заметил их слишком поздно.

– Привет, очкозавр! – Геворг выглядел довольным.

– Мы что подумали, Мартын. – К Саше подошел Леша Санников. – А может, ну ее, эту Верочку? Она не ценит тебя. То ли дело Ангелина. Она не так молода, да и голая наверняка представляет собой плачевное зрелище...

– А пусть он ее в одежде рисует, – предложил Ларин.

– Ты рисуй ее в шинели и кирзачах, – вставил Бугров.

– Дело говоришь, Сема, – похвалил Леша.

– Да нет же, пацаны, он Верочку любит. – Геворг подошел ближе и посмотрел на Сашу снизу вверх. – Любишь Верочку, очкозавр?

Они снова его избили. В этот раз ему и очкам досталось больше. Линзы уцелели, а вот оправа лопнула. Саша шел домой и плакал.

«За что? За что все это? Я ведь никому ничего плохого не делал».

Он вошел в ванную, снял одежду и бросил на пол. Слезы, не переставая, лились из глаз. Он постоял перед зеркалом, по сути, не видя собственного отражения. Поднес одну из линз к глазу и осмотрел полку у зеркала. Кремы и мази – это ему не подходило.

«Я не хочу это терпеть! Я не буду...»

Стакан с бритвой стоял за каким-то кремом. Он схватил его и вытряхнул содержимое в раковину. Лезвие лежало под отцовским помазком. Саша попытался выудить его, но не смог – руки тряслись.

– Сынок, а что ты тут делаешь?

– Ничего, мама. – Саша дернулся слишком резко и порезался.

– Ты что это задумал? – Женщина повернула сына лицом к себе. – Тебя побили? Тебя побили!

– Мама, нет, нет. Все нормально. Я просто поскользнулся.

– А кровь? Откуда в раковине столько крови?

– Мама, да правда, все нормально. Я палец порезал. – Саша попытался улыбнуться. – Пойдем лучше ужинать.

«Не сегодня. Может быть, завтра».

Неделя прошла без каких-либо происшествий, Саша немного успокоился. Либо насмешки за спиной прекратились и одноклассники нашли новую жертву, либо Мартынов перестал их замечать. С ним никто не общался, впрочем, как и раньше. Урок химии начался в привычном режиме.

– Итак, средняя масса атомов серы равна...

Учительница читала условие задачи, одновременно записывая его на доске: дано, определить. Весь класс знал, кто будет решать задачу, поэтому ученики спокойно взирали на короткую юбку Веры Федоровны.

– К доске пойдет Мартынов, – поставив точку, произнесла женщина.

Саша подошел к доске и молча начал писать.

– Озвучивай свой бред, – сказала учительница и спустилась из-за кафедры.

– В соответствии с определением относительной атомной массой...

Он знал решение. Саша знал даже то, что Вера Федоровна плевать хотела на его знания. Не переставая говорить, Мартынов записывал решение.

– Ну, вот видишь, Сашенька!

Саша насторожился – неужели все закончилось? Вера Федоровна его простила, и теперь он сможет исправить оценки.

– Видишь? Ты ничтожество, и место твое рядом с мамой. Будете вместе мыть унитазы.

Все засмеялись; Вера Федоровна улыбнулась, довольная происходящим.

– Не говорите о ней так! – крикнул Саша и выбежал из класса.

– Соплежуй, – сказала ему вслед учительница. – Итак, двойка сегодня уже есть, можно изучить новую тему. Тема сегодняшнего урока: «Химическое строение предельных углеводородов».

Саша достал страховочный трос из кладовой, спрятал под куртку и пошел к котельной.

Большие ворота давно были распилены на части и сданы в чермет, поэтому полуразрушенное здание не закрывалось. Саша прошел внутрь – крюк он присмотрел, еще когда в очередной раз прятался здесь от Санникова и его дружков. Когда-то ржавый кусок арматуры держал короб с кабелями, а теперь мог сгодиться и для веревки.

Саша подкатил пустую бочку и перевернул ее вверх дном. Взобрался наверх и начал завязывать веревку.

– Саша, а я увидела, что ты сюда пошел...

Мартынов едва не свалился с бочки – он качнулся, но благодаря тросу удержался. Сидорова подошла к бочке.

– Саш, а что это ты делаешь?

– Трос проверяю, – пробубнил парень.

– А я вот... – Лейла подняла Сашин рюкзак.

– Спасибо, но я не просил, – сказал Мартынов и спрыгнул с бочки.

– Зачем ты так? – обиженно спросила Лейла.

– Ладно, мне некогда. – Саша взял рюкзак и, не оборачиваясь, вышел из котельной. Веревка осталась висеть на крюку.

Следующая неделя была спокойной.

После встречи в котельной Лейла отдалилась. Она пересела за другую парту, при этом извинившись. Саша извинил и отпустил, будто ничего не заметил. Это был новый этап по его уничтожению, но ему было наплевать. Он уже все решил. Еще раз – и...

Урок химии начался не так, как все планировали. Вера Федоровна вызвала к доске Санникова, потом Белову. Каждый получал заслуженные оценки, но ни один из них не получил двойку. Урок на удивление закончился быстро.

– Мартынов, задержись. – Учительница подошла к доске и начала стирать задачу, решенную Беловой.

Санников и Ларин переглянулись. Геворг, проходя мимо Саши, хлопнул его по плечу. Через три минуты в кабинете никого не было. Вера Федоровна подошла к двери и закрыла на ключ. Мартынов, боясь пошевелиться, сидел за партой.

– Ну что, Сашенька? – Вера присела на край парты. Короткая юбка задралась, обнажив бедро. Саша вжался в стул и отвел взгляд от голых ног учительницы. – Так ты влюблен, мой мальчик?

Саша затаил дыхание.

– Ну что ты, дружок? – Женщина провела рукой по волосам подростка. – Ты что, не мог мне сказать об этом?

– Я вас не понимаю, – проблеял Саша.

Женщина улыбнулась и положила перед ним сотовый телефон. Саша не разбирался в них, но понял, что сейчас будет. Вера Федоровна нажала на какие-то кнопки, и еще до того, как

учительница передала телефон Саше, он услышал искаженный слабеньким динамиком голос Геворга:

– Любишь Верочку, очкозавр?

Саша досмотрел ролик молча. Мартынов помнил все – как подонки избивали его и заставляли произнести...

– Да! Да! Да! Я люблю Верочку! – сдался Саша.

– Нет, не так, – сказал Санников и ударил Мартынова по лицу. – Скажи: я люблю Веру Федоровну.

– Я люблю Веру Федоровну, – сказал Саша на экране мобильного.

– А хочешь меня потрогать? – вдруг спросила женщина и забрала телефон.

Саша боялся поднять глаза. Женщина задрала юбку еще выше. Мартынов не выдержал и взглянул. Ему были видны ажурные трусики.

– Потрогай меня, Сашенька, – выдохнула Вера Федоровна.

Она взяла руку мальчика и засунула себе под юбку. Подросток попытался вырваться, но женщина была сильнее. Саша почувствовал, как его ладонь легла на тонкую ткань, а под ней... Он дернулся и все-таки вырвал руку.

– Ну что ты, мой хороший? – Женщина нагнулась к нему и поцеловала в щеку. – А ты красивый. Тебе кто-нибудь говорил, что ты красивый?

Саша громко сглотнул и мотнул головой.

– Сними. – Вера взяла его очки, перемотанные на переносице изолентой, и положила на парту. – Тебе так лучше.

Саша почувствовал себя некомфортно – без очков его видела только мама, и то, когда он спал.

– Ну что ты, расслабься. – Вера сняла с Саши свитер. – Нам будет хорошо. – Следующей упала рубашка. – Очень хорошо.

На секунду, когда женщина начала расстегивать ремень, Саша дернулся и схватил Веру за руку. Но потом расслабился; голова кружилась от запаха духов, от близости с женщиной. Вера засунула руку в штаны Мартынову. Когда она дотронулась до его разгоряченной плоти, Саша застонал.

– Я сейчас, – вдруг прошептала Вера и слезла с парты.

Саша ликовал. У него будет секс! Секс с женщиной, которую он любил!

Вдруг щелчок. Второй. Саша напрягся, пошарил по столу в поисках очков. Смех мальчик слышал раньше, чем понял, откуда он исходит. Когда Саша водрузил в спешке очки, увидел искаженные смехом лица одноклассников. Мартынов вскочил, потом, сообразив, что без штанов, снова сел. Чем вызвал новый приступ хохота. Он схватил с пола свои вещи и прикрылся.

«Дрочун, дрочун, дрочун!» – неслось отовсюду.

Саша заплакал и, прижимая к груди вещи, выбежал из кабинета.

«Дрочун!»

Он бежал и одевался на ходу. Без куртки выскочил на улицу и пустился напрямик домой.

Саша прошелся по квартире, заглянул в каждый уголок – прощался. Сел за свой стол, провел по полированной крышке. Открыл верхний ящик, там лежал рисунок – один из тех, злополучных. Посмотрел на изображение и тут же вспомнил, как женщина, которую он боготворил, стояла за кафедрой и наблюдала за его унижениями. Саша перевернул лист и начал писать:

«Мама, я не смог быть таким, как ты. Я очень слабый. В моей смерти прошу винить Веру Федоровну Толмачеву. Я не могу поверить, какая она жестокая. Так больше нельзя жить. Прощай, мама, и прости. Я тебя очень люблю. Как жаль, что я не стану художником».

Придавил лист стеклянным шаром и пошел к двери. Еще раз осмотрел квартиру и, так и не надев куртку, вышел на улицу.

Саша залез на полуразрушенный забор из красного кирпича, пристроенный к котельной, перебрался на одноэтажное здание. Подбежал к трубе и полез по скобам вверх. Минуты за три он добрался до первой площадки и тут увидел, что к котельной бегут. Санников, Ларин, Геворг, Вера Федоровна...

«Что им еще от меня надо?! – с ужасом подумал мальчик. – Я же ничего не сделал! – Слезы ручьем лились по лицу. – Они хотят меня унижить! Побить и унижить!»

Саша опрометью бросился к скобам, ведущим вверх. Добравшись до второй площадки, он увидел, что кто-то из ребят поднимается за ним.

«Я не успею!»

Он посмотрел вверх – до третьей площадки далеко. Саша перелез через перила, посмотрел на людей, собравшихся у подножия трубы.

«Теперь вы не смеетесь», – подумал Мартынов и, за секунду до того, как к нему подбежал Санников, шагнул вниз.

Нити выются

Света остановила машину у часовни, выкрашенной в небесно-голубой цвет. Сейчас она была просто серой. Федотова не понимала, почему надо идти на кладбище именно ночью, ей и днем-то здесь было не по себе. Свете предстояло совершить обряд, от которого зависела ее дальнейшая судьба, ее никчемная и одинокая жизнь.

Она устала врать соседям, коллегам и единственной подруге. Устала сама себе покупать цветы и со счастливым лицом возвращаться домой. Устала плакать в подушку и ждать, ждать, ждать! Ведь должен же он появиться, должен.

Светлана Федотова не верила в чудеса, но, дожив до тридцати лет, поняла – ей очень нужно чудо. Она была недурна собой, имела квартиру, машину и небольшой, но приносящий постоянную прибыль бизнес. У нее не было мужчины. Не в смысле постоянного, а вообще никакого, ни хромого, ни старого. Ни-ка-ко-го! Не замечали Федотову мужчины. Будто невидимка она.

Иногда, конечно, с какой-то обидной периодичностью судьба подбрасывала ей какого-нибудь мужичонку. Почему обидной? Да потому, что не до них Светке тогда, когда они появляются. Нет, секс и все, что с ним связано, в эти самые периоды произойти успевают, но не более. До серьезных отношений дело не доходит, то есть второй раз Света не видела ни одного из ухажеров.

«Может, от меня плохо пахнет?» – думала Света в двадцать лет.

Шампуни, мыло, духи... В общем, всяческие средства личной гигиены творили чудеса. И из Золушки получалась очень даже хорошо пахнущая принцесса. Принцесса, которая не исчезнет в полночь.

«Может, я плохо одеваюсь?» – задавала себе вопрос Федотова в двадцать пять лет.

Но приобретенные и подобранные со вкусом вещи из последних коллекций мировых брендов говорили об обратном. Милая принцесса никуда не делась даже через пять лет. Но она была так же одинока.

«Меня проклинали!» – с уверенностью думала Светлана в тридцать лет.

И в этом ее было трудно разуверить. Ей нужна была помощь. И она ее нашла. Открыв первую попавшуюся на глаза газету, Света сразу же увидела то, что ей было нужно. Среди маленьких невзрачных блоков объявлений о предложении работы и продаже стройматериалов красовался большой блок:

ВОРОЖЕЯ! РЕАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ НА РАССТОЯНИИ!

ДАМ СОВЕТ! ПОМОГУ РАЗОБРАТЬСЯ В СИТУАЦИИ!

ГАДАНИЯ И ПРЕДСКАЗАНИЯ ПО ТЕЛЕФОНУ!

Время до 30 минут, цена 3000 рублей.

БЕСКОНТАКТНАЯ ПОМОЩЬ! ОБРАЩАТЬСЯ В КРАЙНЕМ СЛУЧАЕ!

Я действительно помогаю людям в решении сложных проблем, а не занимаюсь развлечениями!

Вот оно, черт бы меня побрал! Это то что надо!

Каждая буква в объявлении обещала исполнить любое желание Федотовой. А желание у Светы было одно.

– ...привлечь к себе любовь мужчины, – прочитала вслух Светлана. – Женатого мужчины или того, который вас просто не замечает.

Это мой шанс! Мой долгожданный шанс!

«Привязать к себе мужчину так, что он, кроме Вас, никого другого замечать не будет». – Федотова ликовала.

Сейчас, пробираясь через черные кусты к примеченной еще при свете дня могиле, Света как-то не очень радовалась. Ей было страшно. Очень страшно. Но тогда...

Света позабыла о собственном проклятии. Ее мысли занимало только одно – у нее будет тот, о ком она мечтает уже два года. Она не будет больше бояться смотреть ему в глаза, убегать домой под различными предлогами при первом его появлении. Она больше не будет плакать от безысходности.

Созвонившись с ворожеей (на удивление, ее голос не походил на старушечий), Света договорилась о встрече. Здесь ее ждало еще одно разочарование. Вместо темной комнаты со склянками и порошками на полках, она вошла в светлый просторный офис. Даже хрустального шара с голубыми молниями внутри на столе у ворожеи не было. Если возраст колдуньи Свете был безразличен (ей, конечно, хотелось, чтобы она была немного постарше, но не принципиально – отсутствие крючковатого носа и бородавки на нем не говорит об отсутствии дара), то атрибуты любой ведьмы должны буквально бросаться в глаза. Впервые с того момента, как она прочитала объявление, Света засомневалась. Но, как потом оказалось, зря. Ведьма знала свое дело.

– Этот приворот, – как-то зловеще прошептала ворожея, – относится к очень сильным...

– Я согласна, – перебила ее Света. Ей очень было нужно чудо. И чем сильнее и быстрее, тем лучше.

Волшебница (Свете теперь только так и хотелось ее называть) кивнула и продолжила:

– Для его исполнения вам нужно будет фото объекта...

Что может быть проще? У Светы множество фотографий с празднования Нового года, где Олег и один, и с Ленкой, да и со Светкой тоже есть.

– ...Еще надо вытащить из его одежды нитку, желательно из трусов.

Света призадумалась. С трусами будет сложнее, но... Она вспомнила. У нее лежала Олежкина рубашка. Как раз с того же Нового года. Он ее облил шампанским, а Света кинула в машинку, постирала, да так и не отдала. Сгодилась.

– ...Ночью закройте в комнате, чтобы вас никто не тревожил...

Этого добра у Светки сколько хочешь, хоть закрывайся, хоть нет – тревожить ее как-то никто и не собирается.

– ...достаньте эту нитку, зажгите свечку из церкви. Потом вырвите нитку из своих трусиков, скрутите обе нити вместе и шесть раз прошепчите на них следующее... – Женщина подвинула к Свете листок с текстом, написанным красивым почерком. – В ночь на новолуние придите на свежую могилу человека с таким же именем. Возьмите фотографию и обе нитки и закопайте прямо перед крестом. Пока будете зарывать вещи, прочитайте следующий заговор четыре раза. – Поверх первого лег второй листок с текстом. – После этого обряда, не оглядываясь и ни с кем не заговаривая, идите домой. Будет трудно, но попробуйте поспать. Приготовьтесь к ожиданию. Как только пройдет сорок дней со дня похорон покойника, в чью могилку вы закопали фото и связанные ниточки... – Ворожея сделала паузу. – Ваш любимый придет к вам, где бы он ни был.

От ворожеи Света ушла в приподнятом настроении. Аккуратно сложенные листы с заговорами легли в кошелек на место пятидесятирублевой купюры. И ничего, пять тысяч – это не цена за счастье. По дороге домой зашла в церковь и приобрела несколько свечей. В киоске у дома купила лунный календарь. Света всегда смеялась над людьми, сажающими что-то на даче исключительно по фазам Луны. Может, они снимки любимых зарывали на могилах?

Света пролистала календарь, нашла раздел «Новолуния в 2010 году» и выбрала месяц. В ноябре начало лунного месяца приходилось на шестое число. Света наморщила лоб в попытках вспомнить, какое сегодня число.

«Так, вчера Лена с Олегом меня звали на дачу. Значит, вчера был первый день выходных, а именно четвертое ноября. Во как! Молодец, девочка!»

Сегодня пятое, а это значило только одно – до новолуния у Светы есть несколько часов. Она развернула машину и понеслась к кладбищу. Побродив по погосту, Света начала сомневаться в положительном исходе своего дела. Несмотря на обилие свежих могил, захоронения с именем Олег ей не попадались. Разнообразие имен подтолкнуло Свету к предательской мысли: «Может, не того я в женихи себе приписала?»

Три Сергея, два Василия, даже Пантелея – два, а Олега – ни одного. Нет, можно было и Сережку Фомина приворожить, но она не виделась с ним уже года четыре. Можно и Ваську Рудовского, но он, кажется, умер от передозировки год назад. Нет, Олег Суханов – единственный верный вариант на сегодняшний день. Да и на завтрашний тоже. Веселый, жизнерадостный, не пьет, не курит, не гуляет. Список достоинств можно было продолжать бесконечно, но он в упор не замечал Свету. Конечно, можно все это свалить на то, что он женат. Но Света не хотела так. Почему другим все, а ей ничего? И пусть даже эта другая ее подруга! Единственная подруга. Пусть! А что в этом случае делать таким, как Светка? Что?! Плакать в подушку или брать свое. Брать свое, даже если придется переночевать на чьей-нибудь могиле.

Света дошла до последней могилы в ряду. Присмотрелась. Нет. Калинина Юлия Семеновна.

– Черт! Хоть убивай какого-нибудь Олега...

И тут она увидела еще одну могилу, обзор которой до этого скрывало заваленное венками надгробие последнего пристанища Юлии Семеновны. Света подошла к холмику с небольшим крестом и единственным венком. От могилы, прихрамывая, отходила неопрятно одетая женщина. Света еле сдержалась, чтобы не начать копать рыхлую землю.

– Олежке от супруги, – прочитала девушка на черной ленте венка, когда женщина скрылась из вида.

Света едва не упала на колени и не начала целовать могилу. Потом опомнилась и, приметив для себя ориентиры, пошла к машине.

На улице уже стемнело. Света решила все-таки исполнять все, как говорила ворожея. Закрылась в спальне, зажгла приготовленную ранее свечу, положила на туалетный столик фотографию Олега и нитку из его сорочки. Вспомнив, что не хватает ее нитки, Света забежала по комнате в поисках нижнего белья. Вывалила все на пол с полок шифоньера и, выхватив из кучи белые трусики, судорожно начала их резать.

Света взяла две приготовленные нити и начала их связывать между собой. Руки тряслись, узел не получался. Светлана даже шумно выдохнула, едва не затушив свечу, когда нитки крепко соединились. Девушка еще раз вздохнула и начала читать первое заклинание:

Нити выются, обовьются,
Судьбы вместе обретутся,
Мой Олег, любимый нежно,
Связан нитью из одежды.
Я и он навек сольемся,
Никогда не разорвемся.
Крепким словом все скрепляю,
В помощь мертвых призываю.

В шестой раз Света прочитала стишок наизусть и без запинки. Довольная проделанными действиями, Светлана затушила свечу, завернула фотографию и нитки в платок и положила в сумочку.

Теперь, стоя у той самой могилы Олежки, Света знала, что ее отделяет от счастья сорок дней и пять минут. Она упала на колени и начала руками копать ямку. Положила фотографию, нитки и быстро зарыла. Достала текст второго заклинания и начала читать:

Ты, Олег, лежишь в земле сырой,
А мой Олег ходит с другой.
Дай мне свое благословление,
На его ко мне притяжение.
Пусть он будет со мной,
Пусть забудет о другой.
Если поможешь мне с судьбой,
Отплачу своей душой.

Домой она вернулась далеко за полночь. Вымыла руки, потом подумала и решила принять душ. Было такое ощущение, будто она вся вымазана кладбищенской землей. Света прошла в спальню, посмотрела на огарок свечи на туалетном столике и без каких-либо мыслей легла на кровать. Как только затылок погрузился в прохладную мягкость подушки, Федотова отключилась.

Ей снилось, что она снова сидит на могиле и роет яму. Света сломала ногти и поранила пальцы, кровь перемешалась с землей, а она все рыла. Федотова копала до тех пор, пока израненные пальцы не начали скрестить по крышке гроба. Но тут Света услышала еще какой-то звук, будто кто-то царапал крышку изнутри. Девушка отдернула руки. Вдруг гроб начал покрываться мелкими трещинами, в следующий момент из многочисленных щелей выскочило по тоненькой нитке. Они обвили все тело Светы. Она попыталась закричать, но тут же клубок размером с кулак заткнул ей рот. Федотова дернулась и затихла – она не могла пошевелить и пальцем, а нитки все ползли и ползли по ее телу. Крышка гроба рассыпалась, и девушка оказалась на покойнике. Света почувствовала, как нитки из черного костюма усопшего переплетаются с теми нитками, что обвили ее.

– Нити вьются, обовьются, – произнес мертвец.

Когда он открыл глаза, Света проснулась.

Она лежала у кровати в одежде, на туалетном столике горела свеча. Света медленно встала, осмотрела себя. Кровь вперемешку с кладбищенской землей была на руках, а все ее тело обвивали обрывки ниток из гроба. Федотову обуюла паника. Она не знала, что делать. Сон, превратившийся в реальность, – это было слишком. Не обращая внимания на боль, Света начала сдирать с себя остатки ниток.

– Судьбы вместе обретутся...

Федотова подскочила и посмотрела на постель. Там, сложив руки на груди, лежал покойник. В руках у него горел огарок церковной свечи. Вдруг мертвец перевернулся на бок, подпер левой рукой голову и задул свечу.

– Если поможешь мне с судьбой, – мужчина улыбнулся, – отплачу своей душой.

Света закричала...

... и снова проснулась.

На улице рассвело. Света села в кровати. Ничего. Руки целы, грязи и не должно быть – она вспомнила, что перед сном приняла душ. Света облегченно вздохнула и снова легла.

«Нити вьются, обовьются, судьбы вместе обретутся...»

Тьфу, ты! Чертов стишок! Привязался.

Света встала и подошла к окну. Кошмарный сон тяготил, но она быстро нашла этому оправдание.

«Провела ночь на кладбище, да и в могилах я роюсь не каждый день. Причина в этом. Если это плата за счастье, я готова смотреть такие сны».

«Не торопись, – одернул ее внутренний голос, – так можно сойти с ума».

Действительно, видеть каждую ночь кладбище и мертвецов – это уж слишком.

«Я надеюсь, это было в первый и последний раз».

Дни тянулись; ничего не происходило. Снов больше не было, вообще. Обычно Света спала очень чутко, а тут засыпала, едва касалась постели. На тридцать девятый день Федотова как обычно приехала в салон красоты «Золушка» и незаметно проскользнула к себе в кабинет. Света села за стол, перевернула настольный календарь и удовлетворенно хмыкнула – на сегодня никаких дел не было. Походы по инстанциям в основном приходились на начало месяца, а сейчас уже была середина декабря, и поэтому к ней в салон мог заскочить только какой-нибудь зарвавшийся пожарный с внеочередной проверкой. Все эти проверки у Федотовой в печенках сидели. Каждому отстегни, каждого подмажь. Порой ей казалось, что она лучше кормит всех этих проверяльщиков, чем себя любимую. Дешевле было бы продолжать стричь и завивать в парикмахерской. Но потом одумывалась (нет, горбатиться на какого-то дядю – ни за что), и все возвращалось на круги своя.

Вдруг дверь открылась и в кабинет вошла Елена Суханова. Это было что-то новенькое. Без стука до сегодняшнего дня в кабинет Федотовой никто не входил. Даже Лена, несмотря на то, что они были подругами. Субординация, так сказать, – подруга подругой, а здесь они начальник и подчиненный.

– Что случилось? – вырвавшийся вопрос прозвучал как-то холодно.

За последний месяц...

тридцать девять дней

...Света отдалилась от подруги и...

Федотова боялась произносить имя Олега даже про себя. Она не хотела спугнуть удачу. Один день, всего лишь один день отделял ее от счастья. Заслуженного счастья.

– Вот, – сказала Лена и положила перед начальницей лист бумаги.

– Что это? – спросила Света и, не дождавшись ответа, принялась читать.

– Что случилось? – повторила свой первый вопрос Федотова после того, как прочитала заявление об увольнении.

– А ты не знаешь?!

Света посмотрела на бывшую подругу.

– А должна?

«Должна, Светочка, должна. Должна и знаешь. По крайней мере, тебе очень хочется верить в то, что ты знаешь причину недовольства своей соперницы».

Света поймала себя на мысли, что впервые за тридцать девять дней ожидания она подумала о ней как о сопернице.

– Ну и сука же ты, Светка! – выпалила Лена и сделала шаг к столу.

На короткий миг Федотовой показалось, что Суханова кинется на нее, но Лена заплакала и выбежала из кабинета.

– Никакая ты мне не соперница, – со злорадной улыбкой на лице произнесла Света и подписала заявление.

Не сказать, что это было для нее сюрпризом, но... Да она едва не описалась от счастья. Перед ее дверью, запрокинув назад голову и закрыв глаза, на спортивной сумке сидел Олег Суханов. Света взяла себя и мочевого пузырь в руки, подошла к мужчине и присела к нему.

«Он теперь мой. Мой Олежка... Стоп! Я еще поломаюсь для приличия».

– Думал, не дождусь тебя, – произнес Олег.

Желание побыть недотрогой быстро улетучилось, когда Суханов открыл глаза и улыбнулся.

– Главное, что я тебя дождалась. – Света нежно поцеловала его в нос, потом в губы.

Они вошли в квартиру и тут же направились в спальню.

Ночью, когда Олег тихо посапывал, отвернувшись к стене, Света лежала на спине, улыбалась и смотрела в потолок. Ее переполняли чувства. Наконец-то у нее есть тот, кто будет любить ее, ждать с работы, переживать, когда она задержится у подруги.

«Какая, к чертям собачьим, подруга?! Ты у одной-единственной только что отобрала мужа! Забудь, Лена для тебя потеряна».

«А почему подругой должна быть именно она?!» – попыталась возразить сама себе Федотова.

«А кто? Много у тебя друзей было в школе? А в институте? Да если хочешь, Суханова с тобой дружила только из-за каких-то своих интересов!»

Лена пришла устраиваться к ней в салон года два назад. Да, как раз перед Восьмым марта. Как они начали дружить, Света не помнила. Наверное, Лена с Олегом пригласили ее на дачу. Потом каждый праздник вместе. Да что там праздник, практически каждые выходные. Она стала членом их семьи. А что взамен?

Теперь, лежа в постели, Света понимала, что должна была давать что-то взамен.

«Светик, можно я пару дней отлежусь? Что-то перебрали мы с тобой вчера», – вспомнила Федотова.

И еще:

«Свет, а почему это Лидке только богатенькие достаются, а я в «Экономе» все время горбачусь? Я ведь тоже мастер не хуже ее, а то и лучше».

И еще:

«Светик, я там премию не заработала?»

«Черт, да она мной пользовалась! Ну что ж, подруга, попользовалась – и хватит! Значит, правильно я у тебя мужа увела».

Правильно или нет, но Федотовой было немного не по себе.

– Не надо, – прошептал Олег.

Света повернулась к нему. Он так же лежал, отвернувшись к стене.

– Пожалуйста, – снова шепот.

– Олег, – тихо позвала Света.

– Я не хочу! – вскрикнул мужчина и подпрыгнул на кровати.

Он осмотрелся и, поняв, где находится, облегченно вздохнул.

– Что-то приснилось? – обеспокоенно спросила Света.

Вдруг ей отчетливо увиделся покойник с мертвыми глазами, приснившийся ей в ночь после похода на кладбище.

– Да, – ответил Олег.

Света ждала, что он расскажет о своем сне, но он молчал.

– Хочешь, я сделаю тебе чаю?

– Нет. Давай спать, – сказал Суханов и отвернулся к стене.

Они так и не уснули до рассвета, но друг другу не сказали ни слова.

Развод Олега и Лены не затянулся. Лена поступила благоразумно – дала бывшему мужу развод и уехала к родителям куда-то под Тамбов.

– А давай распишемся, – предложил как-то за ужином Олег. – Сыграем небольшую свадьбу персон на восемьсот, – продолжал он гнуть свое, не обращая внимания на смех Светы. – Закатимся на Гавайи на целый месяц.

– А это мысль, – успокоившись, проговорила Федотова. – Только нам придется ограничиться десятью приглашенными и медовой неделей в «Искре» под Звенигородом.

– Ну, «Искра» так «Искра». Главное, мы вместе – ты и я.

И тут впервые за два месяца совместного проживания Свете вдруг показалось, что это его «ты и я» звучит как-то навязчиво. Нет-нет! Она очень хотела всего этого, и говорил он очень искренно, но было в этом что-то... что-то... Будто тебе предлагают очень вкусное блюдо (пальчики оближешь и все такое), но ты съел уже шесть порций. Нет, ты все еще хочешь и, возможно, даже съешь еще после слоновьей дозы слабительного, но сейчас ты уже не можешь и поэтому вежливо отказываешься.

«Черта с два я от него откажусь! Ты и я! Навеки!»

В ту же ночь она увидела кошмарный сон. Она снова раскапывала могилу, снова ломала ногти и слушала жуткий стишок-заклинание. Снова нитки, гроб и глаза мертвеца. Только теперь покойником был ее Олежек. И заклинение говорил не он. Олег вообще ничего не смог бы сказать потому, что его рот был зашит. Стишок читал кто-то сверху. Света вывернулась. Из-за обмотавших все тело ниток это ей удалось с трудом. В сером прямоугольнике над головой она увидела черный силуэт.

– Если поможешь мне с судьбой, – человек зачерпнул в лопату земли, – отплачу своей душой.

Федотова вскочила с кровати и начала стряхивать с себя воображаемую землю.

– Не надо! – закричала она. – Я не хочу! Пожалуйста!

– Света, что с тобой? – Олег сел на кровати и обеспокоенно посмотрел на подругу.

«Я дома!» – Федотова опомнилась и села рядом с Олегом.

– Что-то приснилось? – Суханов обнял ее.

– Да. Кошмар. Просто кошмар, – сказала Света и вздохнула.

– Моя ты бедненькая. Ну, иди ко мне. – Слащавый тон мужчины немного раздражал, но Света прильнула к нему и поцеловала.

После занятия любовью, лежа без сна, Федотова второй раз за сутки подумала о «вкусном блюде» и поняла, что у нее «от переедания» скоро начнется изжога. Настоящая изжога.

Свадьбу назначили на третье февраля. Двадцать седьмого января Олег напился. Света вернулась из салона в семь вечера и с порога поняла, что у них гости. Олег очень шумно кому-то рассказывал о том, что он скоро женится на «любви всей своей жизни». Света стояла в коридоре и улыбалась. Мысли об изжоге от вкусного блюда больше не приходили к ней в голову. Она снова обожала его и не могла без него жить. Один момент ее все-таки сейчас огорчил – ее Олежка оказался пьющим.

«Но ведь это можно списать на радость от предстоящего мероприятия», – попыталась успокоить себя Света.

Мероприятие, которое она никак не хотела называть свадьбой (чтобы не сглазить), должно было состояться только через неделю. Стоп! Света попыталась вспомнить, видела ли она его когда-нибудь пьяным. Не только пьяным, но даже пьющим пиво Света его не видела – это точно.

«Может, он с Ленкой не радовался? Нечему было. Да что я привязалась к нему? Ну, выпил мужик, с кем не бывает».

А будущий муж все расхваливал Федотову. Света, все еще улыбаясь, вошла в кухню и едва устояла на ногах, когда увидела, кто у них в гостях. Она схватилась за наличник кухонной двери и выпрямилась. На шатком табурете у окна сидел покойник в черном костюме.

Ты, Олег, лежишь в земле сырой...

Она перевела взгляд на своего суженого.

А мой Олег ходит...

Ни с кем он не ходит. Он и сидит-то еле-еле. Когда Света снова посмотрела на «гостя», мертвец исчез – на его месте оказался мужичонка неприглядного вида, но живой. Она выдохнула, села на свободную табуретку у стола, взяла полную рюмку и выпила. Все это время мужчины молчали. Олег, казалось, даже протрезвел.

– Света, с тобой все нормально? – спросил Суханов.

Федотова еще раз посмотрела на мужчину у окна, перевела взгляд на Олега, вымученно улыбнулась и произнесла:

– Все нормально, просто умаялась на работе. – Она встала. – Пойду прилягу. – И вышла.

Она не солгала, что устала. За последние два месяца из салона ушли четыре отличных мастера. Света взяла новых, но те едва справлялись. Чтобы в ближайшее время из салона, в который запись на процедуры производится за месяц, не переквалифицироваться в парикмахерскую эконом-класса, Света периодически брала в руки инструмент. Какое-то странное чувство, что ее бизнес вот-вот разрушится, не покидало ее.

«Зато в личной жизни у тебя все нормально», – успокоила себя Федотова.

Салон красоты «Золушка» сгорел в субботу двадцать девятого января. Свету разбудил телефонный звонок. Ее поразило то, что кто-то звонил на домашний – в последнее время это было такой редкостью. Света перелезла через Олега. Он застонал и снова затих; Суханов вчера снова напился. Федотова поморщилась от запаха перегара и вышла в коридор. Когда она сняла трубку, в квартире стало так тихо, что кожа Светы покрылась мурашками в предчувствии беды.

– Алло, – пересохшими губами произнесла девушка.

– Светка, «Золушка» сгорела! – выпалила без каких-либо предисловий Люська.

Когда Света поняла, что звонит администратор, она закричала:

– Какого черта, Люся?! Ты на часы смотрела?! В четыре часа утра ты мне про какие-то сгоревшие...

Беда! Она ведь чувствовала! Чувствовала, черт возьми!

– Люся, что случилось? – Света села на пол рядом со шкафом-купе.

– Мне позвонил Сережка... Ну, пожарный инспектор. Им, наверное, сообщают... когда... ну... происходит пожар... Ты можешь приехать?

– Да, – поспешила ответить Федотова. – Я сейчас буду.

Света остановила машину за милицейским «Фордом». Некоторое время посидела, потом вышла и направилась к тлеющему зданию. «Золушка» и продуктовый магазин находились в отдельно стоящем строении, поэтому сгорели только они. Больше всего досталось салону красоты; судя по всему, именно с него и начался пожар. Об этом ей сказал следователь.

– Вы хоть застраховались? – участливо спросил мужчина.

– А? Нет, я ни от чего не застрахована...

Домой Света вернулась около полудня. Олега не было, она знала, что он напьется. Он напьется! Почему он так поступает с ней? Почему, черт возьми?! И это все за четыре дня до свадьбы!

«У вас есть недоброжелатели, завистники?!» – вспомнила Света вопрос следователя.

«А правда, есть они у меня или... Я ведь ответила, что нет. А как же Леночка? Неужели я думала, что она отступится? Как я сразу не сообразила?! Это же все она! Тварь подколодная!»

Света заплакала.

Она проплакала до прихода Олега. Приходом это, конечно, трудно было назвать. Он скорее заполз в квартиру. Весь грязный, вонючий. Грязь была не только на куртке, но и на черном пиджаке.

– Ты что, раздевался, а потом валялся по земле? – крикнула Света.

«А где он нашел землю?» – коварный вопрос прозвучал в голове. Свете даже показалось, что это ее Лена, змея подколотная, спрашивает.

Действительно, на улице январь месяц, снег, мороз минус двадцать, сугробы по колено. Она бы поняла, если бы его одежда была просто грязной, но на ней ведь была свежая земля. Будто он упал в свежерытую (могилу?) яму. Приглядевшись, Света поняла, что это обычная грязь, которой полно вокруг.

– Где тебя носило? – Ее голос дрогнул. – Иди в ванну... – Она отвернулась и заплакала.

«Черт знает что! Неужели так будет всегда?! Неужели?!»

Но что-то ей подсказывало, что так будет не всегда, будет еще хуже.

Света долго не могла уснуть. Ей все время мерещились какие-то тени, всполохи. Она встала и вышла на кухню. При свете электрической лампы она почувствовала себя спокойней. Открыла холодильник и достала бутылку водки. Олежек принес. Как кстати, очень даже вовремя.

Света выпила третью рюмку, алкоголь начал разливаться по организму теплом, когда Олег заорал. Именно заорал, к ежедневным стонам и слабым выкрикам она привыкла. Света встала; крик затих, поэтому она решила выпить еще одну рюмку, для храбрости. Войдя в спальню, она пошатнулась и остановилась. Олежек лежал в черном костюме в позе покойника, а в его руках горела церковная свеча. Тени от пламени плясали на потолке и стенах. И если бы Света не видела горящую свечу, то подумала бы, что у них пожар.

Захмелевший мозг не мог в полной мере оценить нелепость ситуации, поэтому она подошла и села рядом.

– Ты чей-то вырядился? Ты где взял свечу?

Когда покойник открыл глаза, она поняла, что это не ее Олежек. Мертвец и Света встали одновременно. Девушка попятилась к двери.

– Ну что, сыграем свадьбу?

Нитки на одежде зашевелились.

– Нити вьются, обовьются...

Света выбежала из комнаты, влетела на кухню и подперла дверь столом. Преследовать ее никто не стал. А может, ей все показалось? Нервы, водка, все такое. Она села напротив двери, налила водки и залпом выпила. Всю ночь Света провела на кухне, прикончила одну бутылку и достала вторую.

«Как хорошо, что Олежка пьет, а то откуда бы взялась водка», – странная мысль шевельнулась в захмелевшем мозгу.

В кухню так никто и не вошел. Ни живой, ни мертвый. Под утро Света увидела через узорчатое стекло в кухонной двери промелькнувший огонек, будто кто-то (покойник) расхаживал по темному коридору со свечей в руке. Но очередная доза алкоголя приглушила все опасения по поводу странного соседства.

На рассвете Света уснула, уронив рюмку и едва не опрокинув бутылку с остатками водки. Ей снилось кладбище. Она снова лежала в могиле, только теперь лицом к прямоугольнику неба. Кто-то был наверху. Тень пробежала сначала по одному краю, затем по другому. Комья земли упали Свете на грудь, но она их не чувствовала, будто тело одеревенело или она умерла.

– Эй! – крикнула девушка. – Кто здесь?

В проеме показалась голова и снова исчезла.

– Эй!

Через миг к ней на грудь вместо земли упал конец веревки, и над ней снова появился темный силуэт человека.

– Держись за веревку, – прошептал Олежек. Ее Олежек!

Она взялась, и ее потянуло вверх. Света вывернулась и посмотрела на дно могилы. От ее ног и до дна было метров десять, не меньше. Оттуда ей улыбался мертвец. Он вскочил и словно таракан пополз по стене ямы за ней. Федотовой показалось, что могила бесконечна.

Ей оставалось только уцепиться за протянутую руку Олега, когда хозяин могилы схватил ее и потянул вниз. Света не отбивалась, она просто смотрела на происходящие метаморфозы с веревкой и рукой. Они теперь были одним целым, продолжением друг друга. Вдруг веревка натянулась, как струна, и произошло то, что в нормальной ситуации здоровый мозг не мог воспринять без ущерба для психики. Веревка потянулась, рука, а затем и все тело Светы, словно старый свитер, полезло единой нитью вслед за веревкой. Ряд за рядом. Света закричала и проснулась.

Кухонный стол, на котором она уснула, стоял на своем месте, а напротив нее сидел Олежек.

– Ты их тоже видишь? – Он поставил перед ней стопку и налил водки.

– Кого? – не поняла Света.

– Плохие сны, – как-то зловеще произнес Олег.

Света взяла рюмку и выпила. Если сейчас придется что-нибудь рассказывать, то она расскажет все, от начала и до конца. От похода к ворожее до его появления в ее квартире. Но ей не дал Олег – как только она открыла рот, он заговорил:

– Я почти каждую ночь... Да, наверное. Просто, когда пьяный, я не уверен, что вообще хоть что-нибудь вижу. Каждую ночь я вижу себя в могиле. Ну, понимаешь? Будто я лежу в гробу без крышки и вижу прямоугольник ночного неба. Почему ночного?

Света подумала, что он спрашивает ее, и пожала плечами. Но Олег не обращался ни к кому, он повертел в руках наполненную рюмку, потом выпил и продолжил:

– Почему ночного? Ведь хоронят же до обеда. И почему без крышки? И почему я? Почему я?! – Он налил Свете и себе. Руки заметно дрожали. – Я, наверно, скоро умру. Я скоро умру?

Теперь он спрашивал у Светы. Олег смотрел ей в глаза и ждал ответа. А что она могла сказать? Я, эгоистичная сука, захотела тебя? Или прочитай ему стишок, а, Света? Прочитай.

Мой Олег, любимый нежно,
Связан нитью из одежды.

– Я лежу в гробу, – не дождавшись ответа, снова заговорил Олег. – И вдруг на мне начинают шевелиться, словно черви, нитки. Представляешь? Каждая ниточка, будто мои одежды свиты из сотен тысяч червей, поднимая свою крохотную головку, тянется к прямоугольнику наверху. Потом появляется воронка... Она появляется всегда. Понимаешь? Воронка затягивает меня. Каждый раз она затягивает.

Он замолчал, налил еще водки, теперь только себе, и выпил.

– Да, – только и смогла сказать Света. – Может, пойдем куда-нибудь сходим?

– А зачем? – Олег поднял на нее мокрые от слез глаза. – У нас ведь все есть. – И разлил по рюмкам.

Свадьбу по причинам, от них не зависящим (так успокаивала себя Света), перенесли на июль. Сны прекратились, и вроде бы началась нормальная жизнь. «Золушку» все-таки подожгли, и Свете мало того что ни черта не заплатили по страховке, так еще и обвинили в мошенничестве. Суды, слезы, и снова процессы... Впервые за все время ей было не до Олега.

Апелляционный суд оставил приговор без изменения, то есть Света должна была выплатить восемьсот шестьдесят шесть тысяч рублей государству и двести тысяч страховой компании. Неплохой повод напиться, не правда ли? Что она и собиралась сделать. Заехала по дороге домой в супермаркет и взяла все, что для этого требуется.

Но выпить ей так и не удалось. По крайней мере, в этот раз. Как только она вошла в квартиру, сразу же поняла – что-то случилось. Света, не разуваясь, прошла в спальню. Олег лежал у кровати в позе эмбриона и всхлипывал. Она не понимала, что могло довести ее суженого до такого состояния, подбежала к нему. И тут началось. На потолке над ними появилось черное влажное пятно; Света завороченно смотрела на разрастающуюся лужу. Потом черная жижа колыхнулась, будто в нее кинули камень, и тут же круги замерли. Света не отрывала глаз от чуда. Иначе как нарушением законов физики это назвать было нельзя. Лужа снова колыхнулась, и круги, вместо того чтобы расходиться, закрутились. Олег снова вскрикнул и потерял сознание.

«Вот что он видит каждый день, – подумала Света. – Это та самая чертова воронка».

Воронка исчезла так же быстро, как и появилась. Когда все закончилось, Света вскочила и начала бегать по квартире в поисках телефона. Потом сообразила, что он у нее в руке, быстро набрала 112 и вызвала «Скорую».

Дни без Олега тянулись бесконечно. Единственной отдушиной был алкоголь. Кошмары если и снились, то Света не помнила ничего из увиденного. Олега забрали в психиатрическую больницу № 2, он не разговаривал. Его обкалывали успокоительным. Света пару раз приходила к нему, но видела своего Олежика только через небольшое пуленепробиваемое окошко. Жизнь закончилась.

– Ну что, Золушка? – спросила сама у себя Света и налила очередную рюмку. – Теперь от тебя и плохо пахнет, и ты... – она осмотрела свои вещи, в которых уже неделю ходила и спала, – и ты плохо одеваешься.

Она выпила и снова налила.

– Пробыли твои двенадцать часов, и чары улетучились... – Света хмыкнула и заглотнула содержимое рюмки.

«А может, меня прокляли?!»

Мысль, не лишенная смысла, как ей тогда показалось, словно ураган ворвалась в ее не обремененный светлыми раздумьями мозг. Света вскочила и в чем была отправилась к ворожее.

– Что это?! – с порога спросила Света.

– Извините? Я вас не совсем понимаю. – Ведьма встала.

– Я тебя спрашиваю: что ты сделала со мной?!

– Кладбищенский приворот? – спросила колдунья, хотя уже знала ответ.

Света кивнула, хозяйка кабинета села и предложила присесть госте.

– Некогда мне здесь с тобой рассиживаться...

«А куда ты спешишь, Золушка? Залить глаза?»

– Присаживайтесь, – произнесла ворожея тоном, не терпящим отказа.

Когда Света упала в кожаное кресло, ведунья начала говорить. Тихо и ласково, будто она беседовала с несмышленным ребенком или сумасшедшей.

– В общем, вы не стали исключением.

– Что это? – как попугай повторила Света.

– Дело в том, что вы, как и большинство страждущих большой и чистой любви, слышите только то, что вам нужно. А ведь я вначале каждой встречи говорю о серьезности этого ритуала.

– И что же это?

– Приворот – это риск. Кладбищенский приворот – это риск в кубе. Главное, чтобы игра стоила свеч!

Наступила тишина. Света посмотрела на ворожею. На миг ей показалось, что перед ней сидит действительно ведьма, старая, злая ведьма, пожирающая детей между приворотами и отворотами. Но наваждение прошло, как только женщина заговорила вновь:

– Приворот может ударить по здоровью как вашему, так и суженого. Причем не всегда человек страдает физически, возможны психические расстройства.

«Олежка сошел с ума».

– Осуществляя приворот, вы часто не только привязываете человека к себе, но и себя к нему. Между вами возникает связь, которая ощущается на физическом уровне. То есть ему плохо – вам плохо. Ему хорошо... Хотя это не ваш случай.

Ворожея замолчала, но потом, посмотрев на потрепанный вид клиентки, добавила:

– Побочным эффектом приворота является алкоголизм. Поскольку объект привязывают насильно и держат при себе без его собственного желания, он ищет способ отвлечься и заглушить тоску, которая его гнетет. Часто спасение от этого состояния он находит в алкоголе.

«Но почему же я пью, гребаная ты волшебница?! Почему я жру водку как проклятая?! – хотела спросить Света, но тут же вспомнила. – Ему плохо – вам плохо».

– Приворот может пошатнуть финансовое положение...

«Еще как пошатнуть. Вмиг рассыпаться, как песочный замок».

– Ну и, конечно же, сделать невозможной встречу с человеком, который мог бы подойти вам гораздо больше. И не только вам, но и жертве.

– Как ты сказала? Жертве?

– По сути, вы оба жертвы, но виновата в этом только ты.

Свете снова показалось, что перед ней Баба яга. Федотова встала.

– Изменить реальность, – произнесла старуха, – не испытав на себе ее сопротивления, нелегко. – Баба яга встала. – Беря себе что-то одно, порой приходится отдать взамен другое. – Последние слова уже произнесла нормальная женщина.

Федотова вытерла слезы и спросила:

– Как нам выбраться из этого?

– Смерть одного из вас вполне сойдет за цену.

Света посмотрела на женщину. Она не изменилась, только на столе лежала отрубленная человеческая голова.

– Смерть, – произнесли бескровные губы.

Света, закрыв лицо руками, убежала из кабинета.

Смерть все расставит на свои места. Смерть. Она же так не хотела. Не хотела ни пьянок, ни болезней, ни тем более смерти.

«Черт возьми, я не хочу смерти!»

Она не помнила, как добралась до дома, но то, что сказала ворожея, Света запомнила хорошо. Она снова сидела на кухне и занималась уже привычным делом. Света взяла рюмку и выпила. Как воду. Налила еще, подняла. Вдруг зазвенел телефон, Федотова уронила рюмку. Выругалась и пошла в коридор. Ноги плохо слушались, поэтому Света шла медленно, то и дело ударяясь о стены и мебель. Пока добралась до телефона, он замолчал.

– Чертовы придурки!

Когда она развернулась и собиралась вернуться в кухню, телефон снова зазвонил.

– Кому-то я очень нужна. Чертовы придурки! – проговорила Света и сняла трубку. – Алло.

– Светлана Федотова? – ответил приятный мужской голос.

– Да. – Ох, как хотелось пококетничать, но что-то подсказывало – ей звонят неспроста.

– Кем вам приходится Олег Федорович Суханов?

Что-то случилось! Смерть одного из...

– Что с ним? – едва выдавила из себя женщина.

– Он умер, – сухо, без каких-либо эмоций, будто говорит о сраном вывихе, сказал мужчина.

Дальше Света ничего не слышала, будто и не было этого разговора, не было судов, долгов и запоев, не было никаких приворотов и не было... Неважно, совсем неважно, был ли Олежек. Теперь его не было. Смерть расставила все по своим местам.

Она стояла у могилы любимого человека и не сдерживала слез.

Ты, Олег, лежишь в земле сырой...

Как же так-то? Если бы все знать наперед, если бы видеть все...

Пусть он будет со мной...

Да, лучше б он с ней остался. С Ленкой, еще с кем-нибудь, но лишь бы был жив.

Отплачу своей душой...

Внутри было пусто, будто выскребли ее, оставив вот это, одетое в пропахшие потом и мочой одежды, тело. Тяжесть от утраты приутихла, но слезы все равно продолжали течь. Света отошла от могилы и вдруг поняла, что она уже здесь была. Она видела эту чертову могилу! Во сне? Может быть, но... Мозг молниеносно вернул ее в день новолуния. Того проклятого новолуния, когда она бегала по кладбищу.

Федотова медленно подошла к могиле, заваленной венками. Калинина Юлия Семеновна. Фамилию она не запомнила, но в памяти быстро всплыло обилие венков, закрывающих обзор. Она вернулась и посмотрела на единственный венок.

– Олежке от супруги, – прочитала Света и заплакала навзрыд.

Она была здесь! Она видела эту самую могилу и отходящую от нее женщину.

«Я видела себя?! Себя и могилу Олежки?!»

Этого не могло быть! Но...

Чем бы то видение ни было, тогда, в день новолуния, она не воспользовалась им. Она была слишком занята устройством собственной судьбы. Света провела рукой по кресту, резко развернулась и, прихрамывая, пошла к выходу с кладбища.

Нити выются, обовьются.

Судьбы вместе обретутся.

Подарок

Женщина в бюстгальтере и трусиках выбрасывала вещи из шкафа. Если бы не ее вид, то можно было подумать, что она грабит квартиру – настолько небрежно выбрасывала вещи.

Она достала из шкафа сарафан – когда-то яркий, в оранжевых больших цветах, теперь – больше похожий на половую тряпку в тускло-желтых разводах.

«Почему я его не выбросила? Почему?»

Да потому, что ей ходить не в чем было! Сарафан да зеленое вечернее платье. Нет, были, конечно, джинсы и юбки, но таких вещей, как у Тамары Васильевны, жены Сережкиного начальника, ей не видать как своих ушей.

«Устала! Устала я!»

Она со злостью отбросила тряпку-сарафан. Прожить пять лет с этим ничтожеством, отдать ему, может, самые лучшие годы?! Ради чего? Ради того, чтобы, надевая на каждый праздник свое старое платье, слышать: «О, милочка, вы так чудесно сегодня выглядите, и это платье просто чудесно, и еще зеленое вам так идет».

Хватит!

Антошку жалко. Ну, ничего, пусть пока у бабушки поживет. Надо будет ей позвонить, чтобы забрала ребенка из садика.

Ира услышала, как кто-то вошел в квартиру. Она достала старенькие джинсы и надела их. В комнату вошел молодой человек.

– Ну, ты хоть что-нибудь ему оставь.

– Очень смешно. – Ира пнула вещи под ногами и подошла к парню. – А я оставлю все это дерьмо ему. Возьмешь меня без приданого? – Она улыбнулась.

– Легко.

– Тогда в путь?

– Как скажешь...

– А вот так и скажу. – Она прильнула к парню и поцеловала его в губы. Он ответил на поцелуй.

– Ну, так я пойду машину прогрею?

– А я еще тебе не сказала? – Ира улыбалась.

– Нет.

– Ну, так иди.

Когда Олег ушел, Ира еще раз осмотрела комнату. Все. Прощай, старая квартира, старый муж и все остальное. К чертям собачьим. Улыбаясь, Ира выбежала из подъезда и направилась к «БМВ», где ее ждала новая жизнь. Уже выезжая из города, Ира вспомнила, что не закрыла дверь. Махнула рукой. К чертям собачьим!

* * *

Вера Спиридоновна Тихая была не совсем тихой. Можно было сказать – даже буйной. Сейчас ею как раз овладел приступ буйства. Женщина небольшого роста со включенными, крашенными в черный цвет волосами бегала по двухкомнатной квартире. Пояс халата развязался, и полы обнажили обрюзгший живот и висящие как уши спаниеля груди шестидесятилетней женщины.

Она докурила сигарету. Выбросила. Подошла к столу и вытряхнула из пачки еще одну. Руки тряслись.

Ну надо же, какая мерзавка! Она устраивает свою жизнь! А о матери она подумала? Вера Спиридоновна погладила себя по животу. Мама когда устроит свою жизнь? Только у Веры появляется мало-мальски подходящий претендент в супруги, ну, или хотя бы в сожители, как эта вертихвостка подсовывает ей своего сопливого выродка. И бегут тогда от Веры Спиридоновны и без того немногочисленные поклонники.

А вот хрен тебе! Женщина остановилась и достала из кармана зажигалку. Подкурила. Хрен тебе! В конце концов, у него есть отец. Никчемное недоразумение, но отец. Зятек Веры Спиридоновны был личностью заурядной и вызывал интерес разве что у ссущейся под себя старой маразматички. Коими ни Вера Спиридоновна, ни ее сучка-дочь Ирина себя не считали. Возникал резонный вопрос: какого хера Ирка столько жила с этим пожизненным охранником? У людей незнающих возник бы еще один вопрос, не менее резонный. Зачем Ира родила ребенка нелюбимому человеку? Но Вера Спиридоновна к незнающим не относилась.

Ирка тогда работала на Колхозном рынке. Сколько мужиков через нее прошло, Веру Спиридоновну мало беспокоило. Куда больше ее волновал вопрос, что им делать, когда Ира поняла – беременна. Не то от мясника Джамала, не то от Сашки-повара. Вот тут-то им и подвернулся охранник Сергей Андреевич Троекуров. Никчемное недоразумение. Ну, а в то время, конечно, для Веры Спиридоновны он был не меньше, чем Сергей Андреевич. Просто она знала: если не сбавит этому недотепе свою дочурку, то меньше чем через девять месяцев на территорию ее жилплощади не зайдет ни один мужик. И покатится жизнь (и не только сексуальная) Веры Спиридоновны под откос. А вот хрен вам всем!

– Верунчик, пивка принеси, – раздался мужской голос из спальни.

– Хрен тебе, – прошептала Вера и подпоясала халат. Она не хотела, чтобы ухажер видел ее обвисший живот. Ночью – это одно, когда его поршень уже не остановить, а середь бела дня увидеть такое... Вера могла потерять возможность трахаться с тридцатилетним мужиком. Поэтому она нацепила маску услужливой дамы и понесла бутылку и бокал в спальню.

* * *

Что-то не так! Что-то совсем не так! Что именно, Сергей не мог сказать. Какое-то чувство тревоги внутри то приливалось, то отливало. Но уходить совсем не хотело.

Сергей сидел в кресле перед столом, из-за которого только что выпорхнула миниатюрная женщина лет тридцати пяти. Его клонило в сон. Он не думал, что так надолго задержится в «Елках-палках». «Елки-палки» – название фирмы по предоставлению праздничных услуг. Проведение свадеб, дней рождения и корпоративов. А вот под Новый год они не отказываются от подработки Дедами Морозами и Снегурочками. Сергей даже подумал, что из его собеседницы получилась бы неплохая Снегурочка.

Снегурочка вернулась на свое место.

– Ну, так на чем мы остановились? – Она улыбнулась и поправила белую блузку.

«Скорее, открыла шире ворот», – подумал Сергей. Когда она убрала руку, ложбинка между грудей начала плясать на мужчину. А он – на нее.

– Э-э... Подарок, – напомнил Сергей и отвел взгляд от грудей.

– Ах, подарок! И что бы вы хотели в подарок? – Слово «подарок» она выдохнула так, будто предлагала себя.

– А что вы могли бы мне предложить?

Снегурочка подняла руку к груди.

«Если она так часто будет трогать свою блузку, то ее грудь обнажится еще до моего ухода».

– Вы знаете, это все будет зависеть от того, сколько вы готовы потратить на праздник.

– А во сколько это может мне обойтись?

«Во сколько б ни обошлось, Снегурочка не забудет добавить процентов десять за показ сисек».

– А давайте прикинем. – Она взяла какой-то бланк и авторучку. – Так, раз вы пришли к нам, значит, доставка курьером подарка вам не подходит. – Она посмотрела на Сергея и снова поправила разрез на груди. – Дед Мороз, – она записала в бланк, – пятьсот рублей. Со Снегурочкой – тысяча. Снегурочку брать будете?

– А? – Сергей оторвал взгляд от разреза блузки.

«Даже если бы пришла ты...»

– Нет, я женат.

– Ну да, – понимающе кивнула женщина. – Тогда за Деда Мороза пятьсот и за подарок ровно столько, сколько он стоит.

– Ну и...

– Да-да. – Она открыла ящик стола и достала цветной буклетик. – Вот быстренько пробегите, а я могу вам предложить работа-динозавра. Мы всего пять штук из Москвы заказали. – Она перегнулась через стол, тем самым оторвав его внимание от буклета с подарками, и прошептала:

– Привезли только три. Представляете?

Он представлял. Только он представлял обнаженную Снегурочку, танцующую вокруг елки.

«Нет, я женат», – одернул себя Сергей.

– И сколько он стоит? – просипел Троекуров.

– Четыре тысячи.

Ого-го. Сергей рассчитывал куда как на меньшую сумму. С его зарплатой в шесть тысяч только роботов и покупать. Если бы не тринадцатая зарплата... Химобъединение «Азот» было единственным предприятием в городе, где еще платили тринадцатую зарплату. Вот благодаря этому приработку Сергей и собирался устроить праздник своей семье.

«Детям – мороженое, бабе – цветы», – вспомнил Сергей и улыбнулся.

– Ну, судя по улыбке, вы согласны, – услышал он голос и поднял взгляд от груди Снегурочки.

«Как магнит!»

– Да, пожалуй, что бы ни случилось, я не собираюсь лишать ребенка праздника.

– Вот и правильно. – Она что-то там подсчитала и повернула бланк к Троекурову. – С вас пять тысяч триста десять рублей.

«Опаньки! «Елки-палки» – это не название, а реакция на цены этих работников сервиса. – Сергей округлил глаза. – Не до хрена ли за две сиськи?!»

– Четыре тысячи – робот, – начала объяснять Снегурочка. – Пятьсот за Деда Мороза и восемьсот десять – НДС. Мы сами недовольны этими восемнадцатью процентами, ну вы же понимаете?

Сергей не хотел понимать, но... что бы ни случилось, у ребенка будет праздник. Он улыбнулся и встал.

– Заворачивайте. – И, прежде чем выйти, еще раз оценил груди Снегурочки.

* * *

НДС... Сергей не был обременен знаниями о финансах, налогах и всякой бухгалтерии, но то, что эти восемнадцать процентов высосаны из пальца, он знал. Своего рода новогодний подарок работникам фирмы «Елки-палки». Ладно, пусть пользуются. Тем более это намного лучше, чем если Сергей наденет красный халат Иры и с торчащей ключьями ватой на под-

бородке выбежит к Антошке перед роботом-динозавром. Еще неизвестно, кого после этого назвали бы динозавром. Так и ребенка напугать можно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.